

ния декрета¹). Поэтому неудивительно, что колебания Людовика XVI длились недолго и, как это с ним всегда бывало, победительницей в разыгравшейся в его душе схватке оказалась трустость. По совету Буажелена²) и бывшего министра внутренних дел Сен-Приста³) король решил уступить. 25 декабря Учредительное Собрание по случаю рождества не заседало, а на следующий день, 26 декабря, председатель огласил полученное им письмо за подпись Людовика XVI и Дюпон Дютертра, в котором сообщалось об утверждении королем декрета 27 ноября. «Если я не спешил с санкционированием этого декрета,—писал между прочим Людовик XVI,—то это лишь потому, что я стремился мерами увещания предупредить необходимость в мерах строгости. Я полагал, что если дать умам возможность успокоиться, то применение этого декрета произойдет среди согласия, столь же привычного для Национального Собрания, как и для меня. Я думал, что эти чувства осторожности будут всем понятны; но так как касательно моих намерений возникли подозрения, которые всем известная прямота моего характера должна была бы рассеять, мое доверие к Национальному Собранию заставляет меня дать свое согласие».

«Оглашение королевского письма,—гласит отчет о заседании Учредительного Собрания,—было покрыто многочисленными аплодисментами и самыми живыми проявлениями радости, благодарности и почтения».

Гл. II. Борьба с контр-революционным духовенством.

I.

Согласно декрета 27 ноября, духовные члены Учредительного Собрания должны были принести присягу в самом Собрании в течение недельного срока по вступлении декрета в законную силу. Но уже на следующий день после того, как декрет о присяге был санкционирован королем, а именно 27 декабря, на трибуне Учредительного Собрания поднялся священник Грегуар, и произнесся установленный текст присяги, сопроводил его речью, в которой доказывал, что закон о гражданском устройстве духовенства ни в чем не противоречит заповедям христианства. Вслед за Грегуаром присягу принесли еще 62 духовных члена Собрания, но среди них не было ни одного епископа.

На следующий день, 28 декабря, присягу принесли уже известный нам отенский епископ Талейран и три священника; 29-го декабря присягнул один, 31-го—восемь, 1 января—один и 2 января—четыре священника. Кроме того, 2 января присягнул лиддский епископ Гобель, а клермонский епископ Бонналь выразил свое согласие присягнуть, но лишь с целым рядом оговорок. Когда же собрание этим не удовлетворилось и потребовало от Бонналя прямого ответа на вопрос присягает ли или нет, прелат отвечал отрицательно.

3 января присягнули еще 23 священника. Так как установленный законом недельный срок истекал на следующий день, 4-го

января, то видный правый депутат Казалес внес предложение о продлении. Учредительное Собрание с этим не согласилось и постановило считать 1 час дня 4 января последним сроком присяги своих духовных членов.

4 января в начале заседания присягнули три священника, затем еще один. Когда же наступил роковой срок—1 час дня, то Учредительное Собрание по предложению Барнава решило путем поименного опроса потребовать от всех своих духовных членов категорического ответа желают ли они присягать или нет. Но так как нежелающие присягать церковники пытались использовать предоставленное им слово для резких выпадов против гражданского устройства духовенства, то Собрание уже очень скоро оказалось вынужденным отказаться от своего первоначального намерения и председательствовавший Эммери, обращаясь ко всему духовенству в целом, задал вопрос: «Есть ли еще желающие присягать?». Ответом на это было общее молчание, которое, по словам протокола, продолжалось целые четверть часа. Такое же молчание было ответом и на вторичный вопрос председателя. После этого Учредительное Собрание постановило, что в отношении всех его неприсягнувших духовных членов должны быть сделаны все предусмотренные декретом 27 ноября организационные выводы и таким образом вопрос о присяге внути Собрания был ликвидирован. Всего из депутатов присягнуло 2 епископа и 109 священников, но из этих последних около 20 взяли затем свою присягу обратно.

После присяги в Учредительном Собрании началась присяга в Париже, происходившая в воскресные дни 9 и 16 января 1791 г. Вот как описывается ход этой присяги в № 80 (от 15—22 января) «Парижских революций»:

«Церемония присяги церковников вызвала в Париже величайший интерес, но произошла без всяких волнений. Приводим некоторые подробности, которые публике будет вероятно интересно узнать.

«В общем можно сказать, что лишь небольшое число кюре подчинились закону. Будучи более тесно связаны, как по своим должностям, так и по возрасту, со всеми злоупотреблениями церкви, неудивительно, что кюре оказывают сопротивление реформе. Напротив того, викарии и молодые церковники доказали свою приверженность к новой конституции, поспешив принести присягу на верность таковой...

«...Кюре церквей Сен-Северен, Сен-Рок, Сен-Бенуа, Сен-Жермен-л'Оксерруа и Сен-Сюльпис подтвердили свои отказ. Кюре церкви Сен-Северен оставил свою должность; из всех священников его прихода присягу принесли только четверо. Кюре церкви Инвалидов заявили о своем отказе...

«...Некоторые из священников, для того, чтобы заинтересовать народ в своей судьбе, прибегли к чисто церковным хитростям. Кое-кто из них распродавал свое имущество у самых дверей прихода..., но, за исключением нескольких старых богомольных баб, их никто не пожалел...

«...В некоторых приходах, священники имели наглость явиться для совершения службы вопреки декретам. Одного из них народ заставил разоблачиться; другому дали возможность закончить

¹) Бюше и Ру,— т. VIII, стр. 193.

²) Де-ла-Горс,— т. I^е стр. 343—344.

³) Письмо, найденное в железном шкафу Тюильерийского дворца.

мессу, но предложили более не возвращаться. Во вторник 18-го кюре церкви Сен-Рок пытался совершить погребение, но народ этому воспротивился и его обязанности были исполнены аббатом Фоше, за которым последовали принесшие присягу священники. Тогда г. Мардюэль пытался утешить себя за неудавшиеся похороны совершением обряда крещения. Это вызвало новое возмущение народа; кюре поднял крик; явилась национальная гвардия и отвела его домой. «Отдайте нам его», — кричал народ, — «он провоцирует нас и издевается над нами; мы не сделаем ему никакого зла, но хотим лишь выгнать его так, как этого заслуживает отказывающееся подчиняться закону должностное лицо»¹⁾.

Мы, к сожалению, не имеем бесспорных данных, позволяющих судить, какая часть парижского духовенства приняла установленную декретом 27 ноября 1790 г. присягу.. Известно только, что из 52 парижских кюре, присягнуло 23²⁾; что же касается до остальных присягнувших священников, то официальная статистика определяет их число в 629, но цифра эта может быть несколько преувеличена³⁾. Кроме того следует иметь в виду, что в число это, помимо так называемых «священников-должностных лиц» (т.-е. тех, кто сохранил свои должности при введении гражданского устройства духовенства), для которых присяга согласно декрета 27 ноября была обязательна, вошли равным образом и церковники, присягнувшие по добруму желанию.

Уже первые дни присяги в Париже выявили одно чрезвычайно существенное неудобство декрета 27 ноября. Как мы знаем, ст. 7 этого декрета строго воспрещала неприсягнувшим священникам исполнение ими их прежних должностей. Если, как мы только что видели, многие церковники с легким сердцем прошли мимо этого запрещения, то другие, напротив того, ему подчинились, и результатом этого оказалось то, что многие церкви остались без обслуживающего персонала. Вот например, что рассказывает по этому поводу уже цитированный № 80 «Парижских революций».

«Некоторые священники вступили между собой в соглашение, чтобы сорвать церковную службу и возбудить таким образом мало-развитых людей против Национального Собрания. В приходе Сен-Жан на Греве не нашлось ни одного священника, который мог бы начать службу. Для совершения таковой пришлось вызвать монаха, а псалмы пели прибежавшие в церковь из ратуши лежавшие там многочисленные национальные гвардейцы. В церковь сошло очень большое число прихожан и давно уже не было службы, на которой присутствовали бы с таким глубоким вниманием и верой. В церквях Сен-Жерве, Сен-Рок, Сен-Сюльпис, хор был окружен невооруженными солдатами-гражданами, возносившими хвалу создателю. Пусть только посмеют утверждать, что религия погибла, когда верующие столь трогательным образом исполняют все ее предписания! Даже если священники и дезертируют из национального культа, останется все-же достаточное количество почитателей его духа и истин и все интриги пагистов окажутся бессильными против католицизма, этой единственной признанной государством религии».

Но если таким образом мелко-буржуазные «Парижские революции» с легким сердцем соглашались на допущение католического культа, совершающегося без священнослужителей¹⁾, то совершенно «наче рассуждала крупная буржуазия, стремившаяся к сохранению за католицизмом всего его прежнего величия. В силу этого принятая Учредительным Собранием 21-го января инструкция о проведении присяги в провинции категорически устанавливала, что неприсяжные священники должны продолжать свои обязанности вперед до их замены новыми²⁾», эта оговорка должна была сделать невозможным повторение в провинции событий, подобных парижским.

Но инструкция 21 января учитывала парижский опыт не только в отмеченном выше пункте. Ход присяги в Париже показал, насколько число отказывающихся от присяги священников выше того, на которое Учредительное Собрание расчитывало, издавая свой декрет 27 ноября и поэтому неудивительно, что инструкция 21 января содержит подробное доказательство того положения, что гражданское устройства духовенства касается лишь чисто практической организации церкви, но ни в какой мере не затрагивает принципиальных основ самой католической религии. «Представители французского народа,— читаем мы в инструкции,— твердо привязанные к религии своих отцов и к католической церкви, видимым главой которой на земле является папа, поставили расходы на содержание ее культа и ее служителей на первое место государственных расходов. Они не посягнули на ее догмы и обеспечили непрерывность их преподавания. Убежденные, что католическое учение и вера основаны на авторитете более высоком, нежели людской, они сознавали, что не имели права ни посягать на таковой, ни присваивать себе часть духовной власти. Они знали, что власть эта установлена самим богом, поручившим осуществление ее своим пастырям для того, чтобы они руководили душами, доставляли им обеспечиваемую религией людям помощь, увековечивали непрерывность ее служителей и проповедовали и направляли человеческую совесть»³⁾.

В какой мере эти оговорки помогли и велика ли оказалась часть французского духовенства, принесшая предписанную декретом 27 ноября присягу? Из духовенства высшего, как и следовало ожидать, присягнули лишь очень немногие, а именно четыре епископа (отенский—Талейран, сансий—Ломен⁴ де Бриенн, орлеанский—Жарант и вивьецкий—Лафон де Савин), два доад'ютора (базельский—Гобель и санский—Марциаль де Бриенн) и один епископ (авиленский—Дюбур-Мирадо). Что же касается духовенства низшего, то точное определение размеров его присягнувшей части крайне затрудняется недостатком и недостоверностью имеющихся по этому вопросу данных. Официальные

¹⁾ Еще в своем № 71 (от 13—20 ноября 1790 г.) „Парижские революции“, обращаясь к прелатам 83 департаментов, угрожали им: „Господа, наши отцы семейств намереваются взяться отныне за исполнение ваших обязанностей и не требуют за это никакого вознаграждения, кроме дани уважения и сыновней любви.... Удалитесь же с миром и предоставьте нам, каждому у своего очага, заняться исполнением ваших обязанностей. Просвещенный народ не нуждается в иной узде, нежели национальный кодекс.

²⁾ А. Р., т. XXII, стр. 366.

³⁾ А. Р., т. XXII, стр. 365.

¹⁾ „Les Révoltes de Paris“, № 80, стр. 57—62.

²⁾ Де-ла-Горс,—т. I, стр. 396.

³⁾ Там-же, стр. 369.

статистические сведения имеются только относительно 47 департаментов из 83, но и эти сведения ни в коем случае не могут быть признаны вполне достоверными и часто опровергаются при подсчете по отдельным коммунам и дистриктам. Для остальных же департаментов нет даже и такой статистики, а всякие приблизительные вычисления до крайности затрудняются тем, что, в то время как в одних департаментах число присягнувших священников было весьма велико (например, департаменты Луарэ, Вар, Индр и др.), в других оно было совершенно ничтожно (департаменты Нижнего Рейна, Морбиган, Майенн и др.).

Но за отсутствием более достоверных сведений приходится довольствоваться тем, что имеется. Оперируя этими цифрами, специально изучавший этот вопрос Саньяк определяет процент присягнувших священников в 57,6¹⁾), а явно пристрастный де-ла-Горс в 52—55. Еще дальше идет Матьез, который допускает возможность того, что присягнули меньше половины священников.

Но каково бы ни было точное число неприсягнувших священников, их согласно требований декрета 27 ноября предстояло заменить и задача эта оказалась не из легких. Поэтому уже 7 января 1791 г. Учредительное Собрание приняло декрет, который в отличие от требований закона о гражданском устройстве духовенства устанавливал, что епископом может быть избран каждый кюре, пробывший в этой должности не менее пяти лет, а епископским викарием и кюре—каждый священник с таким же стажем. А в предвидении того, что огромное большинство епископов откажутся дать каноническое посвящение вновь избранным на церковные должности их епархий кандидатам, Учредительное Собрание 27 января 1791 года постановило, что в течение ближайшего года такое посвящение может быть произведено любым присягнувшим прелатом Франции. Согласно этого закона, Талейран при крайне торжественной обстановке посвятил 24 февраля избранных в качестве епископов Экспильи и Маролля, а эти последние в следующие дни посвятили целый ряд своих коллег. В течение марта и апреля 1791 г. посвящение в епископы пришло прямо таки массовый характер и подсчитано, например, что один только Гобель с 27 февраля по 26 апреля посвятил не более и не менее, как 36 человек!

Однако, затруднения, связанные со значительным количеством отказавшихся присягнуть церковников заключались не tanto в трудности замещения их должностей, сколько в вопросе о том, как быть с ними самими и вопрос этот был тем более сложен, что для громадного большинства Учредительного Собрания самое возникновение его оказалось почти совершенно неожиданным.

Нам уже приходилось мимоходом отмечать, что Учредительное Собрание, издавая свой декрет 27 ноября, полагало, что количество церковников, которые откажутся ему подчиниться, будет крайне незначительным и нужно сказать, что эта точка зрения разделялась почти всем общественным мнением Франции без различия партий и группировок. Мы уже видели, что крайне-левый орган Эбера—«Отец Дюшен» категорически утверждал, что всем известное корыстолюбие церковников заставит их огромное боль-

шинство принести присягу, отказ в какой лишил бы их возможности дальнейшего исполнения своих обязанностей и, следовательно, получения жалования. Такого же мнения придерживались и большинство левых депутатов Учредительного Собрания; так, например, брестский депутат Лежандр 19 декабря 1789 г. писал, что «заговор епископов будет ликвидирован... как только будет санкционирован декрет 27 ноября»¹⁾). В этот же самый будущий конституционный епископ и монтаньян Тома Линдень утверждал, что «карательные постановления декрета 27 ноября окажутся более действенными, чем какие-бы то ни было рассуждения или предписания из Рима».

Совершенно аналогичного мнения придерживались и представители крайне правых кругов. «Те, кто внесли предложение о присяге или поддерживали его»,—писал 6 декабря 1790 г. граф Ламарк австрийскому послу Мерси-Аржанто,—«хорошо знают, что громадное большинство церковников подчинятся, а те, кто честно откажутся, будут рассматриваться как добровольные жертвы»²⁾.

Но и правые и левые одинаково ошиблись и ошибка их была вызвана тем, что правильно оценив корыстолюбие церковников, они не учли однако того обстоятельства, что многие из них окажутся все же готовы пожертвовать своими временными личными выгодами ради достижения своих конечных групповых интересов. Возможность использовать религиозный фанатизм отсталых слоев населения для защиты якобы попранных прав католической церкви составляла слишком крупный козырь в руках контр-революции, чтобы отказаться от его применения только из-за того, что несколько тысяч кюре или викариев будут в течение нескольких месяцев (а то, что это лишь вопрос месяцев, в этом все контр-революционеры были твердо убеждены) получать взамен причитающегося им жалования одну только пенсию? Но для того, чтобы возбудить религиозный фанатизм, нужны были конечно «мученики за религию» и в роли этих то «мучеников» и решили выступить оказавшиеся от присяги церковники.

Контр-революционная агитация неприсяженного духовенства среди отсталых слоев населения и, в первую очередь, конечно, населения сельского, началась в первые же дни практического применения декрета 27 ноября. Сохранившиеся на этот счет архивные документы говорят об этом с такой убедительностью, что это вынужден признать даже такой явно предубежденный историк, как католик и реакционер де-ла-Горс. «Из самых маленьких деревушек на имя Национального Собрания начинают поступать умоляющие, то звучащие негодованием ходатайства. Такие заявления поступают не только из таких преданных религии областей, как Артуа, Нормандия, Бретань, но и из областей, считавшихся религиозно-равнодушными, как, например, Бургундия, Турнань, Шампань, Оверн. Одни, как-то местечки Абильи, Брогли. Марназ, Фулен, Аспаррен, указывают либо, что их кюре всегда служили им в качестве мэра и что благодаря ему их приход всегда хорошо управлялся, либо что он был всегда «отцом бедных» и что его «продиктованные жалостью» речи были «всегда при-

¹⁾ Цит. по Матьезу., стр. 451.

²⁾ Там-же, стр. 450.

Фонкевиллер заявляют, что они скорее готовы рас прощаться с жизнью, нежели со своим кюре. В Артуа предполагается создание ассоциации для обеспечения пропитания верных священников. В других местностях внимание населения выражается в более оригинальной, или, говоря точнее, в более современной форме. 3 апреля 1791 г. собираются четыреста активных граждан города Бедарие и в составленном ими обращении на имя Национального Собрания недвусмысленно требуют референдума по религиозному вопросу. «В качестве граждан и притом граждан активных, мы просим вас постановить, что все коммуны королевства, обязаны немедленно собраться по своим муниципалитетом для разрешения вопроса о судьбе нового устройства духовенства»¹).

Итак, уже в первые месяцы 1791 г. сделалось ясным, что неприсяжные священники становятся на путь сопротивления, кое-где перерастающего в попытки контр-революции и что с этой целью они намерены широко использовать окружающий их в глазах отсталых слоев населения мученический ореол. Что же отвело на это Учредительное Собрание и каким путем попыталось оно разрешить неотложный и гнетущий вопрос о дальнейшей судьбе неприсяжного духовенства?

Мы уже знаем, что Учредительное Собрание, издавая свой декрет 27 ноября, совершило не предвидело самой возможности возникновения такой многочисленной влиятельной группы, какой уже с первых месяцев 1791 г. оказалось так называемое неприсяжное духовенство. Поэтому неудивительно, что предписания декрета 27 ноября звучали по данному вопросу в самом категорическом тоне и в частности ст. 7 этого декрета гласила, что те из неприсягнувших церковников, «которые станут выполнять какую бы то ни было из своих бывших обязанностей... будут преследоваться как нарушители общественного порядка». Это значило открыто признать, что неприсяжные священники в силу самого факта отказа в принесении присяги потеряли все присвоенные им сану права и обязанности, и что дальнейшее совершение ими церковной службы составляет особый род государственного преступления. По крайней мере такое толкование вытекало из общего смысла декрета 27 ноября. Но, с другой стороны, согласно точного смысла этого декрета, все сказанное выше относилось только к сохранившим штатные должности «церковникам—должностным лицам»; что же касается до остальных церковников, то факт непринесения ими присяги, которая являлась для них не обязательной, не мог оказать влияния на их положение.

Нам уже много раз приходилось отмечать, что если буржуазное большинство Учредительного Собрания стремилось к подчинению католической церкви вновь создаваемому им буржуазному государству, то оно вместе с тем не только не имело в виду расшатывать ее силы и авторитета, но, напротив того, видело в таковых один из основных устоев «общественного порядка и спокойствия». И если Учредительное Собрание, считая, что количество нежелающих подчиниться закону о присяге церковни-

ков будет совершенно ничтожным, могло со сравнительно (сравнительно потому, что, как мы уже знаем, самый декрет 27 ноября был принят Конституантой лишь под властным давлением революционного общественного мнения) легким сердцем пойти на исключение таковых из рядов церкви, то картина приняла совершенно иной характер, когда выяснилось, что в числе отказавшихся принести установленную декретом 27 ноября присягу оказывается около половины всего духовенства. При таких условиях точное применение постановлений ст. 7 декрета о присяге имело бы своим логическим и неизбежным следствием церковный раскол и тем самым полный подрыв всего морально-гого авторитета и удельного веса католической церкви, а это ни в коем случае не входило в программу ни крупной буржуазного большинства Конституанты, ни крупной буржуазии вообще.

В начале апреля 1791 г. в Париже произошли беспорядки, вызванные попыткой некоторых неприсяжных священников продолжать ведение категорически запрещенной им в силу ст. 7 декрета 27 ноября 1790 г. церковной службы. В ответ на эти беспорядки и по непосредственной просьбе Людовика XVI, администрация парижского департамента, составленная исключительно из фельяннов, т. е. представителей наиболее умеренных кругов крупной буржуазии, издала 11 апреля обязательное постановление, регулирующее позицию церкви¹). Наряду с заключавшимся в ст. 3 этого постановления категорическим запрещением неприсяжным священникам отправлять церковную службу в приходских церквах, постановление 11 апреля содержало ст. ст. 11 и 14, которые гласили:

«Ст. 11. Всякое здание или часть здания, которое частные лица пожелают предназначить для собраний значительного числа людей для отправления какого бы то ни было религиозного культа, должно будет носить у главной входной двери вывеску с указанием его назначения, дабы таким образом отличить его от принадлежащих наций и содержащих за ее счет общественных церквей.

«Ст. 14. Строжайшим образом запрещается присоединять к отправлению какого бы то ни было религиозного культа какие бы то не было выпада против конституции, против законов или против установленных властей. По этому признаку полиция обязана отличать от мирно собирающихся для отправления своей религии—тех, кто под этим предлогом собираются с преступными намерениями, имея в виду организовать заговоры, направленные против конституции²).

Таким образом, в явное противоречие со ст. 7 декрета 27 ноября, обязательное постановление парижского департамента разрешало неприсяжным священникам исполнение присвоенных им сану обязанностей, ограничивая его лишь двумя условиями: 1) оно могло иметь место только в частных молитвенных домах, но не в общественных церквах и 2) оно не должно было служить поводом для контрреволюционных выступлений.

Вопрос об обязательном постановлении 11 апреля был поднят в заседании Учредительного Собрания 18 числа того же ме-

¹) Дe-la-Gorс t. I, стр. 421—422.

²) А. Р., т. XXV, стр. 179—180.

Там-же, стр. 180.

ся, причем с защитой этого постановления выступил знаменитый аббат Сиейес, совмещавший свои депутатские обязанности с должностью члена директории парижского департамента.

Аббат Сиейес, совершенно игнорируя смысл декрета 27 ноября, построил свое выступление на доказательстве той мысли, что постановление парижского департамента представляет собой лишь развитие принципа свободы религиозных верований, провозглашенного Учредительным Собранием еще в Декларации прав человека и гражданина. «Парижский департамент,—говорил Сиейес,—достаточно хорошо разбирается в ваших декретах, чтобы знать, что вы установили свободу религиозных верований. В силу этого, каждое частное лицо, желающее за свой личный счет содержать свою собственную часовню, а также совокупность людей, желающих собираться подобно тому, как это делают различные клубы, не могут быть лишены этого права, которое находится в полном соответствии с предписаниями закона».

С решительной критикой постановления парижского департамента выступил крупно-буржуазный юрист Трельяр, боявшийся, что допущенные ст. 11 этого постановления частные молитвенные дома могут, не взирая на предписания ст. 14, послужить опасным очагом контрреволюции. Но при этом Трельяр, возражая парижскому департаменту, не только не напомнил о смысле закона 27 ноября, но и пошел даже в его молчаливом отрицании значительно далее того, чем этот департамент и аббат Сиейес.

Трельяр начал свою речь с противопоставления понятий «клириков—должностных лиц», о которых только и говорил декрет 27 ноября 1790 г. и всех остальных церковников, к которым декрет этот не относился. Из противопоставления этих двух категорий Трельяр делал тот вывод, что непринесение церковником—должностным лицом обязательной для него присяги автоматически переводит его в ряды церковников не-должностных лиц, но отнюдь не лишает его при этом его духовного сана.

«Статья 3 (постановления 11 апреля. Я. М.),—говорил Трельяр,—представляется мне составленной в смысле, как раз противоположном намерении департамента и мне кажется, что в связи с этим нужно сделать одно заявление, которое рассеет все недоразумения. Вы постановили, что все клирики—должностные лица обязаны принести присягу и что единственным наказанием за отказ в присяге или, точнее, единственным следствием такового будет то, что отказывающийся из общественного должностного лица превращается в обыкновенного клирика. Но как те, так и другие клирики сохраняют право на управление церковных обязанностей повсюду, где они захотят и смогут это сделать. А между тем из статьи 3 следует, что все клирики, отказывающиеся принести присягу, лишаются права совершать мессу в приходской церкви.

«Простые клирики никогда не были лишены права отправлять церковные обязанности за исключением лишь тех, которые являются связанными со званием, которым они не располагают. Директория департамента повидимому не имеет в виду лишать их этого права; но статья эта неясна и необходимо, чтобы Национальное Собрание категорически об'явило, что не принесшие присяги кли-

рики могут отправлять все обязанности, не связанные со званием должностного лица».

Такое толкование декрета 27 ноября, по мнению Трельяра, никакого не противоречит принципу религиозной свободы. «Я, прежде всего, громко заявляю,—говорит он,—что свобода культа необходима и что она является следствием ваших декретов. Но во французской церкви я знаю только один культ; в католической, апостольской и римской церкви не может существовать двух культов. Недопустимо, чтобы проводилась разница между присягнувшими и неприсягнувшими священниками. Единственное отличие, которое между ними имеется, это то, что одни являются должностными лицами, а другие — нет; но и те, и другие принадлежат к одному и тому же культу. Я особенно обращаю ваше внимание на то, что, принимая постановление (11 апреля. Я. М.), вы тем самым подтверждаете существование церковного раскола и окажетесь в противоречии с волей нации, которая на раскол никогда не пойдет».

В заключение своей речи, Трельяр предложил проект декрета, который, признавая за неприсяжными священниками право на исполнение всех церковных обязанностей, не связанных со званием должностного лица, вместе с тем запрещал существование каких-либо частных церквей или часовен, за исключением существующих при различных религиозных конгрегациях и открытых лишь для членов таковых.

Продолжение начатых 18 апреля прений было прервано в том же заседании и возобновились только 7 мая, когда выступивший с докладом от имени конституционного комитета, на рассмотрение коего было передано обязательное постановление 11 апреля, Талейран не только повторил аргументацию аббата Сиеса, но и дал ей более подробное развитие.

«Пора,—заявил Талейран,—чтобы вы знали, что свобода религиозных обязанностей не зря провозглашена в Декларации прав. Эта свобода полная, абсолютная, реальная и не менее священная и неприкосновенная, чем все остальные. Не будем говорить здесь о веротерпимости, это выражение является оскорбительным и не может входить в состав лексикона свободного и развитого народа...

«Провозглашая этот принцип религиозной свободы во всем его объеме, мы не можем исключить из него какого бы то ни было вероучения... У свободного народа, действительно достойного этого названия, понятие религиозной свободы одинаково обнимает все без различия вероучения. Если мы уважаем свободу евреев и протестантов, то мы обязаны одинаково уважать и свободу католиков-раскольников».

Необходимость такого толкования закона о гражданском устройстве духовенства и декрета 27 ноября определяется, по мнению Талейрана, не только чисто принципиальными, но, равным образом, и практическими соображениями. «Если запретить открытые собрания католиков-раскольников, не будет никакой возможности помешать их тайным собраниям, которые могут

¹⁾ Там-же, стр. 181—182.

оказаться несравненно более опасными. Поэтому является одновременно наиболее правильным, справедливым и, вместе с тем, наиболее мудрым, разрешить и охранять подобные собрания, но вместе с тем, следить за ними и наказывать по всей строгости законов тех, кто будет пользоваться этими собраниями для призыва к сопротивлению законам».

Мы можем теперь констатировать, что в прениях 18 апреля и 7 мая выявились два различных взгляда. Одна точка зрения—точка зрения парижского департамента, Сиеса и Талейрана,—рассматривала неприсяжных священников и их сторонников как представителей особого культа, отличного от католического, и требовала для них, в согласии с принципами Декларации прав, полной религиозной свободы. Другая точка зрения, высказанная Трельяром, заключалась в том, что во Франции существует не два, а только один католический культ. И присяжные и неприсяжные священники в равной мере являются его служителями; разница между ними только та, что первые являются должностными лицами, а вторые—нет.

Как ни различны на первый взгляд эти два мнения, на самом деле сходства между ними гораздо больше, чем разницы. В самом деле—как Трельяр, так и Сиес с Талейраном одинаково отходят от принципов ст 7 декрета 27 ноября, по явлому смыслу которой неприсяжные священники не только не являются должностными лицами, но и перестают быть вообще клириками. Как Трельяр, так и его оппоненты по существу дела разным образом отступают перед выявившимся к этому времени наступлением неприсяжного духовенства и поэтому предлагаемые ими проекты при всем своем отличии друг от друга представляют ничто иное, как два различных способа капитуляции и отхода от позиций декрета 27 ноября. А причины этого отхода нам уже известны—это страх крупной буржуазии перед возможностью церковного раскола и связанного с этим падением значения католической церкви, представлявшейся крупной буржуазии одним из важнейших звеньев в создаваемой ею системе нового буржуазного правопорядка.

При таком положении вещей является само собой разумеющимся, что прения 18 апреля и 7 мая 1791 г. должны были окончиться неизбежным шагом назад, по сравнению с декретом 27 ноября. И действительно, принятый Учредительным Собранием 7 мая декрет не только составлял компромисс между обоими выявленными в прениях точками зрения, но и заимствовал из обоих проектов наиболее выгодные для неприсяжного духовенства предложения. Вот точный текст этого декрета:

«Ст. 1. Национальное Собрание, заслушав доклад своего конституционного комитета относительно постановления директории парижского департамента от 11 апреля, об'являет, что продиктовавший это постановление принцип религиозной свободы целиком соответствует принципам, принятым Собранием и препозглашенным им в Декларации прав. Вследствие этого Собрание декретирует, что непринесение предписанной декретом 27 ноября присяги не может служить поводом для недопущения какого бы то ни было священника в приходскую или вспомогательную церковь или национальную ораторию, если его намерения ограничиваются только совершением мессы».

«Ст. 2. Здания, предназначенные частными обществами для совершения религиозного культа и носящие соответствующие вывески подлежат немедленному закрытию как только будет установлено, что в них произносились речи, содержащие прямые нападки на конституцию и в частности на гражданское устройство духовенства. Виновные в произнесении таких речей, будут по предложению общественного обвинителя, предаваться уголовному суду по обвинению в нарушении общественного спокойствия».

Таким образом, декрет 7 мая об'единял в одно целое уступки неприсяжному духовенству, предложенные как Трельяром, так и Сиесом-Талейраном: с одной стороны допускались частные религиозные собрания, единственными ограничениями для которых являлось запрещение использовать их в контрреволюционных целях; с другой стороны признавалось, что неприсяжные священники сохраняют за собой право службы в государственных церквях—по крайней мере, в отношении мессы. Поэтому совершенно очевидно, что декрет 7 мая, по сравнению с декретом 27 ноября, являлся огромным шагом назад и делая этот шаг, крупная буржуазия надеялась избежать церковного раскола и примирить непокорное духовенство с произведенной Учредительным Собранием церковной реформой. Но карта эта оказалась битой и результаты декрета 7 мая нисколько не оправдали тех надежд, которые авторами этого декрета на него возлагались.

II.

Неудача декрета 7 мая была вызвана не только вполне понятной радостью неприсяжного духовенства по поводудержанной им победы и естественным желанием его расширить меры таковой, но также и тем, что молчавший в течение полутора лет Ватикан к этому времени вышел, наконец, из состояния своей преднамеренной летаргии. Если в 1789—1790 г.г. Пий VI, подобно всем реакционным правительствам того времени, еще питал надежду на возможность осуществления во Франции внутренней контрреволюции, вследствие чего явное вмешательство во французские дела могло, какказалось, лишь ухудшить положение Людовика XVI и его присных, то к началу 1791 г. картина решительно изменилась. К этому времени иностранная интервенция сделалась единственной надеждой как французских, так и иностранных контрреволюционеров и подготовка к ней велась повсюду настолько открыто, что у римского папы не могло быть никаких оснований скрывать более своего отношения к французской революции и ее реформам.

Мы уже указывали, что на все запросы Людовика XVI и французского правительства относительно проводимых Учредительным Собранием церковных реформ, Пий VI либо отдавался молчанием, либо давал довольно невразумительные ответы, равносильные полусогласию. Правда, еще 10 июля 1790 г. папа обратился ко французским архиепископам с письмом, в котором решительно осуждал церковные реформы Конституанты, но письмо это было секретным и поэтому никакого значения иметь не могло.

Долгое молчание Ватикана было нарушено лишь 10 марта 1791 г. В выпущенном в этот день бреве Пий VI не только осуждал, как еретические, все церковные реформы Учредительного Собрания, но обрушивался равным образом и на его реформы политические, целью которых, по его мнению, являлось разрушение религии и королевской власти¹⁾. Декларацию прав человека и гражданина папа квалифицировал как святотатство, а свободу и равенство он об'являл ничем иным, как средством борьбы с католицизмом.

Одновременно со своим бреве, Пий VI обратился к Людовику XVI с письмом, в котором обвинял его в нарушении данной им клятвы защиты католической религии и решительно осуждал слабость, проявленную королем при санкционировании церковных реформ Конституанты. Письмо заканчивалось увещанием Людовика XVI искупить свои ошибки и стать на защиту угнетаемого духовенства.

В еще более резком тоне было составлено датированное 13 апреля обращение римского папы к французскому королю, епископам, священникам и народу. В этом обращении Пий VI об'являл недействительными все акты, принятые в осуществление декрета о гражданском устройстве духовенства и грозил отлучением от церкви всем тем присягнувшим, согласно декрету 27 ноября священникам, которые в течение 40 дней не возьмут обратно данной ими присяги.

Естественным результатом этих событий явился разрыв дипломатических отношений между Францией и Ватиканом. 15 марта, т.е. еще за несколько дней до получения в Париже бреве 10 марта, французское правительство отозвало из Рима своего посла, кардинала де-Берни, выступавшего все время в качестве ярого противника революции и всех произведенных ею реформ и заменило его Сегюром. Когда же 2 мая папский нунций в Париже передал министру иностранных дел Монморену текст бреве 13 апреля и сообщил об отказе папы принять Сегюра, как принесшего присягу, Монморен отказался принять бреве и намекнул на неизбежность разрыва. На следующий день в Париже произошла многолюдная манифестация, во время которой толпа сожгла чучело, изображавшее Пия VI. Нунций потребовал от французского правительства извинения, и, не получив такого, покинул Париж. 24 мая 1791 г. разрыв между французским правительством и Ватиканом стал совершившимся фактом.

Хотя правительство и об'явило папские брева 10 марта и 13 апреля секретными и запретило их оглашение, это само-собой разумеется, не могло помешать неприсяжному духовенству распространять их из-под полы и широко использовать авторитет римского папы для возбуждения верующих против революции. Поэтому неудивительно, что, как мы уже отмечали, декрет 7 мая 1791 г. не только не дал тех результатов, которых его авторы от него ожидали, но, напротив того, выявил слабость Учредительного Собрания и оказался в силу этого лишь дополнительным стимулом для контрреволюционной агитации неприсяжных церковников. Плоды этой агитации не замедлили сказаться.

Наиболее широкие формы контрреволюционная агитация

неприсяжного духовенства в союзе с реакционным дворянством приняла в области Вандея, где благодаря относительной неразвите экономических отношений и крайней отсталости крестьянства¹⁾, это последнее издавна находилось под исключительным влиянием духовенства. Помимо приходских священников, вандейские крестьяне особенно чтили так называемых «миссионеров Богоматери», в просторечии называвшихся «мультинцы». Хорошо понимая, что нужно для того, чтобы заслужить популярность у отсталых вандейских масс, мультинцы обращали обое внимание на внешнюю сторону культа и не ограничивались обычными фокусами вроде чудотворных статуй и т. п., вводили в католический культ такие ритуалы, как устройство в церкви диалогов между двумя актерами, из которых один изображал бога, а другой—сатану. Кроме того, они широко использовали устройство крестных ходов (особенно ночью), пропагандировали чисто языческий по существу культа сердца христо-ва и т. п.²⁾.

Не удивительно, что воспитанное таким образом вандейское крестьянство, благодаря относительной слабости гнета помещиков в этих местах, весьма слабо ощущив положительные стороны революции, стало относиться к ней резко враждебно с того момента, когда попы убедили его, что революция поселяет на его святое-святых—католическую религию. Чувствуя за собой прочную опору, вандейское духовенство исключительно упорно боролись за сохранение своих старых привилегий и далеко не случайным был поэтому то, что, например, в дистрикте Мишекуль из 58 церковников присягнуло всего 6, а в дистрикте Клиссон из 72—10³⁾. В среднем же в Вандее присягнула только одна четверть церковников.

При таком настроении вандейского духовенства и крестьянства, выборы нового духовенства представляли там весьма трудно разрешимую задачу. Так, например, при выборе епископа департамента Двух Севров, двое из избранных кандидатов отказались и лишь избранный в третий раз аббат Местадье дал свое согласие. Не лучше обстояло дело и с выборами простых кюре. В дистрикте Мишекуль, где нужно было заместить 22 должности, удалось избрать только 13 кандидатов, но 12 из них тут же отказались. Такие же результаты давали и повторные выборы, в силу чего в семи коммунах этого дистрикта неприсяжные священники продолжали отправлять обязанности кюре вплоть до начала 1792 года. Подобную же картину видим мы в дистриктах Сен-Флоран, Вийе, Шолэ и многих других.

Но даже и там, где неприсяжных священников удалось заставить, они отнюдь не помышляли о капитуляции и для возбу-

¹⁾ В последнее время в марксистской историографии сделана попытка доказать, что отношение между дворянством и крестьянством в Вандее были не столь партнэральны, как это до сих пор предполагалось, и что к началу революции расслоение крестьянства в Вандеешло уже довольно далеко. Мы разумеем статью И. Зевитневича «Расслоение крестьян в Бретани ваканце Великой Французской Революции», напечатанную в томе XI «Историка—Марксиста». Однако, отрицая традиционное обяснение социальных об'ясняние этого факта, что и является слабой стороной его работы.

²⁾ Де-ла-Горс,—т. II, стр. 351—353.

³⁾ Там-же, стр. 343.

ждения населения против своих заместителей—так называемых «непрошенных»,—пользовались всеми возможными способами агитации и пропаганды. Уже на пасхе 1791 г. вандейские непропагандисты уговаривают своих сторонников изгонять сяжные церковники священников и распространяют целый ряд писаний, доказывающих, что посещение их служб равносильно обречению своей души на вечную погибель. Летом того же года устраиваются внушительныеочные процессы, действующие на сердца простодушных крестьян всем доступным католической церкви аппаратом мистической торжественности. Вскоре после этого распускаются слухи о различных чудесах, как, например, явлении Богоматери в ветвях дуба в Сен-Лоране и т. п. и к местам чудес стекаются огромные массы паломников.

Само собой разумеется, что вся эта обстановка представляла собой слишком благоприятный очаг контрреволюции, чтобы местные дворяне и вообще контрреволюционеры не постарались использовать ее для превращения контрреволюции церковной в контрреволюцию политическую. Для характеристики этих попыток предоставим слово Жоресу, дающему блестящую характеристику зачаточной стадии вандейской контрреволюции:

«Подметив начавшееся возмущение клерикалов, дворяне запада возымели надежду утилизировать это движение в интересах контрреволюции. Они вдруг притворились, что они заботятся о религии, между тем, как до тех пор подобные заботы были чужды вольтерианскому дворянству XVIII века. Они пытались влиять на священников, затронув в них чувство чести. «Теперь видно будет, кричали дворянчики и дворянки, окажутся ли приходские священники настолько нечестивыми, чтобы отречься от дела божьего».

«Дворяне стекались в церкви, чтобы безнаказанно устраивать манифестации под предлогом религии, чтобы заставлять в приходских священников компрометировать себя, приходить в возбужденное состояние под влиянием вдохновлявшей их и судившей о них контрреволюционной аудитории. Современный наблюдатель, Мерсье-дю-Роше, пишет в своих заметках: «церкви, которые еще недавно были пусты, наполнялись при всяком богослужении бывшими дворянами, проведшими жизнь в самом бесстыдном разврате и вдруг начавшими часто присутствовать при совершении таинств, хотя они всегда считали эти церемонии нелепым шутовством...».

«... Важнее всего для мятежной части духовенства было возможность выполнять свои функции неприсягнувшим священникам; помочь им существовать после того, как они перестали получать жалование, не требуя никаких пожертвований от крестьян.

«Если вандейское движение было в некоторых отношениях «народным», если простые крестьяне, простые ремесленники играли в нем значительную роль, то это было движение, вызванное народным, крестьянским эгоизмом. В действительности, политика вандейских крестьянских масс сводилась к тому, чтобы все брать и ничего не давать. Они не были проникнуты духом самоотвержения; если они иной раз рисковали жизнью, то они делали это ради материальных выгод, которые они ценили дороже жизни».

«Вожди движения хорошо усвоили себе, что следовало сперва беречь, а затем эксплуатировать этот запас эгоизма. Они воздерживались от того, чтобы побуждать крестьян к денежным пожертвованиям в пользу священников. Епископ достал в виде аванса в счет доходов со своей епархии 60.000 ливров. Дворяне обязались обеспечить содержание некоторых священников. Правда, миссионеры и монахини монастыря св. Лаврентия, беспредельно обходившие запад, продолжали просить денег; но они уверяли крестьян в том, что нужно было организовать кассы вспомоществования, чтобы защитить страну от революционеров. Они начинали внушать им идею, что Вандея должна представлять собой нечто самодовлеющее, жить на собственные ресурсы и отказать в помощи нации. Усиливалось брожение, обусловленное у военного министра присылки подкреплений»¹⁾.

При своей пропаганде среди темных крестьянских масс контрреволюционеры не останавливались решительно ни перед какими уловками и хитростями. Они запирали черную кошку в дарохранительницу присягнувшего священника и когда последний открывал дарохранительницу, из нее высакивал дьявол в виде черной кошки. Испуганные верующие разбегались, прогоняя революцию.

«Монахи, собирающие милостыню, вызывали посредством волшебных фонарей появление таинственных теней на стенах часовен и эти видения приводили крестьян в экстаз или ужасали их. А если эти грубые средства, рассчитанные на низменное суеверие, оказывались недостаточными, дворяне и крупные землевладельцы вмешивались, чтобы принудить своих крестьян посещать богослужение, совершающееся мятежными священниками, или перестать посещать богослужения, совершаемые священниками конституционными»...

«... Неприсягнувшие священники начинают прибегать к силе. В некоторых приходах жители собираются, чтобы воспрепятствовать продаже имущества, принадлежавшего приходским священникам. Эмиссары дворян передают лозунги, обходя фермы одну за другой, и начинают организовывать банды; администраторы вандейского департамента вынуждены требовать в апреле и мае у военного министра присылки подкрепления»²⁾.

Типичным примером результатов, к которым приводила контрреволюционная агитация неприсяжных священников в Вандее и на западе Франции вообще, могут служить события, произошедшие в департаменте Морбиган еще в первой половине февраля 1791 г. Вот как описываются эти события в письме, написанном из города Ванн 16 февраля:

«Уже в течение нескольких недель наш департамент является жертвой заговора, затеянного обединившимися друг с другом скопостью и честолюбием с целью обмануть население деревень, бросить его в наступление на города и под знаменем фанатизма перебить всех заступников революции. Именно в нашем городе враги конституции и общественного порядка обольщались наиболее преступными надеждами и подготовляли осуществление самых гнусных проектов».

¹⁾ Жорес, «Учредительное собрание», стр. 486—487.

²⁾ Там-же, стр. 489—490, 495.

«Несколько дней тому назад, один ректор или кюре заявил в своей проповеди: «Братья мои, лучше повиноваться тираническому королю, нежели 1200 разбойникам, составляющим Национальное Собрание». Другой также произнес проповедь, каждая фраза которой равнялась гнусному натравливанию; третий дал непосредственный толчок к готовившемуся кровопролитию.

«Отслужив утром в воскресенье 13 февраля мессу еще до рассвета, он, в то время, как окружавшие его бедные крестьяне целовали крест, заявил им: «Идите и огомстите за поруганное небо, идите и убейте безбожников, стремящихся осквернить нашу святую религию!»

«Целью заговора являлось нападение на Ванн. Дальнейший ход этого восстания известен: несчастные крестьяне, слепые орудия и жертвы фанатизма их попов, были отогнаны и рассеяны национальными гвардейцами Ванна и Лориана и 150 солдатами вальшского полка. Трои из них были убиты с оружием в руках. В плен были взяты 31 человек, среди них 16 раненых. Двое из последних умерли в тюрьме. Кроме того, в поле было найдено 10 убитых.

«Говорят, что двое из пленных сознались, что они получили деньги, чтобы возбудить волнения в ваннском дистрикте... Все крестьяне единогласно утверждали, что они были распропагандированы ректорами. Они сожалеют о своем заблуждении и обещают, что не будут больше поддерживать связи с неприсягнувшими ректорами... Многие из них не знали об упразднении десятины и ничего не подозревали об отмене платы за крестьяны, свадьбы и похороны»¹⁾.

Но не следует думать, что события аналогичные описанному, происходили только на западе Франции. В противоположном конце Франции, в Эльзасе, еще в январе 1791 г. произошли беспорядки, вызванные, по выражению докладывавшего об этом 11 февраля Учредительному Собранию Мишеля «1500 лицами, присоединившими себе титул католических, апостолических и римских граждан и образовавшими общество, целью которого являлось сопротивляться, не отказываясь и от применения силы, осуществлению касающихся духовенства декретов»²⁾. При въезде в город Кольмар посланных туда специальных правительенных комиссаров, эти последние были встречены криками «Да здравствует граф Артуа! На фонарь комиссаров!» и лишь быстрое вмешательство муниципалитета спасло их от насилий со стороны распропагандированных попами фанатиков³⁾.

Подобные же события произошли в середине февраля и на юге Франции, в местечке Юзес, в департаменте Гар. «Отправленные из Парижа зажигательные писания,—докладывал будущий монтанье Вуллан в заседании Учредительного Собрания 22 февраля,—автором которых является бывший юзеский епископ г. Бетизи, разбудили фанатизм и вызвали раздоры, которые... были представлены как следствие ненависти протестантов против католиков.

«В понедельник 14 февраля в Юзесе, на площади епископ-

ства, состоялось сбощие не столько католиков, сколько большей частью, граждан, известных своим враждебным отношением к конституции. Испуганные патриоты собирались на площади эскадронами; был вызван конный эскадрон находившихся в Юзесе лотарингских драгун. Часть лошадей этого отряда находилась в конюшнях епископства; когда их попытались вывести оттуда, находившиеся в этом доме и на площади заговорщики этому воспротивились и открыли по драгунам огонь. Один драгун был ранен выстрелом в плечо, а у другого оказалась штыковая рана в животе и он, по некоторым частным сведениям, уже умер. Затем восставшие схватили башнями собора и, взбравшись на колокольню, ударили в набат. Сбежались национальные гвардейцы из окрестных местностей; обявление военного положения не произвело никакого впечатления. Лишь когда дистрикту удалось собрать количество войск, превосходившие силы восставших, эти последние отступили, заявив, что они идут навстречу идущему к ним со стороны Жалезского лагеря подкрепления»⁴⁾.

Все перечисленные до сих пор факты происходили в январе—феврале 1791 г., т.-е. еще до издания декрета 7 мая. Но мы уже отмечали, что как этот декрет, так и в особенности распространение слухов о папских бреве от 10 марта и 13 апреля лишь усилили контрреволюционный пыл неприсяжных священников и их союзников—дворян. Блестящим доказательством этого положения могут служить события, имевшие место в городе Бастиа, на острове Корсика, в первых числах июня 1791 г.

1 июня, рассказывают администраторы местного департамента в своем письме к Учредительному Собранию от 5 июня,—в Бастиа состоялся крестный ход, использованный церковниками для широкой агитации в защиту, якобы, попираемого католицизма. «На следующий день 2 июня, женщины-фанатички вошли в собор и пытались водрузить там герб г. Веркло, бывшего епископа Мариана и Ачии, убранный из собора после выборов нового епископа. Те же самые женщины бросились затем к дому нового епископа и пытались взломать двери, но оказались вынужденными удалиться при виде находившихся в этом доме нескольких вооруженных человек. Волей-неволей им пришлось ограничиться сожжением посаженного при входе в дом майского дерева»⁵⁾.

Вслед за этим в помещении церкви св. Иоанна Крестителя состоялось многолюдное собрание, принявшее резолюцию, в которой, между прочим, говорилось, что «собрание клянется в своем глубоком уважении ко всем декретам Национального Собрания, касающимся гражданской и светской конституции, но делает исключение в отношении устройства духовенства, долженствующего оставаться в том виде, в каком оно находилось до созыва Генеральных Штатов».

По окончании собрания, беспорядки возобновились. «Народ захватил площадь цитадели и качал снова бесчинствовать... Столпившаяся вокруг дома исполняющего обязанности генерал-прокурора г. Арене толпа стала стрелять по окнам дома, и, схватив

¹⁾ Бюше и Ру,—т. IX, стр. 70—71.

²⁾ А. Р., т. XXIII, стр. 133.

³⁾ Там же, стр. 133—134.

⁴⁾ Бюше и Ру,—т. IX, стр. 72—73.

⁵⁾ А. Р., т. XXVII, стр. 810.

г. Арина и его сына, подвергла их самым гнусным оскорблением, после чего посадила их насилием на отправляющийся в Италию корабль». Таким же образом были изгнаны из города ряд местных революционеров, в числе которых, между прочим, находился и будущий участник заговора Бабефа—Буонаротти.

Одновременно с этим, 3 июля, в противоположном конце Франции—в городе Байель в департаменте Севера, имели место волнения, связанные с приездом туда вновь избранного епископа Прима. В результате этих событий оказалось несколько раненых и лишь находчивость епископа позволила избежать большого количества жертв.

Само собой разумеется, что контрреволюционные происки церковников не могли не вызвать со стороны местных властей соответствующих контр-мер. В Кимпере местная дирекция еще 21 апреля предписала всем неприсяжным священникам удалиться не менее, чем на четыре лье от своего прежнего прихода. Такое же мероприятие было принято в Тулузе. В департаменте Нижней Сены неприсяжным священникам было 28 июля 1791 г. предписано удалиться на расстояние 10 лье от своего прежнего местожительства, но мера эта не должна была применяться в отношении престарелых и признанных соответствующими коммунами безопасными церковниками.

На иной путь стали власти города Анже, постановившие, что все неприсяжные священники, на которых поступит какой-либо донос, должны быть сконцентрированы в центре департамента. А в Нанте изданное 7 июня постановление предоставляло неприсяжным священникам на выбор: либо удалиться на три лье от своего бывшего прихода, либо быть интернированными в главный город департамента.

Каково же было отношение Учредительного Собрания как к явной неудаче его декрета 7 мая, так и к репрессивным мероприятиям местных властей, направленным к прекращению и предупреждению контрреволюционных махинаций неприсяжных церковников?

Вопрос об этих мероприятиях был поставлен в заседании Национального Собрания 17 июля. Поводом к тому явилось обязательное постановление, изданное 12 июля дирекцией департамента Нижнего Рейна, совместно с посланными в Эльзас специальными комиссарами Конституанты. Дело в том, что в Эльзасе, где число неприсяжных священников было очень велико, представляя ими повсюду контрреволюционная опасность еще усугублялась близостью к границе и связанной с этим легкостью связей как с правительствами германских государств, так и в особенности с французскими эмигрантами. Поэтому неудивительно, что обязательное постановление 12 июля предписывало всем неприсяжным священникам департамента в недельный срок переселиться либо в Страсбург, либо вглубь Франции и притом не ближе, чем на расстояние 15 лье от границы. Неподчинившиеся этому приказу добровольно должны были быть доставлены в Страсбург по этапу.

В заседании Учредительного Собрания 17 июля с защитой обязательного постановления 12 июля выступили депутаты де-Брольи, Кауфман и Лави. Последний особенно подчеркивал целесообразность переселения эльзасских неприсяжных священни-

ков в глубь Франции. «В местностях, где разговорной речью является французский язык,—говорил Лави,—они уже не смогут причинить никакого зла. Они будут жить там в полном спокойствии и смогут переписываться со своими семьями. Но, вместе с тем, они будут лишены возможности сноситься с зарейскими эмигрантами и вслушивать в заговоры с бесчисленным количеством плохих граждан, которые вместе с ними непрестанно волнуют нашу родину. Кроме того, у нас есть доказательства того, что эти люди намеревались предать Страсбург иностранцам».

До сих пор, таким образом, речь шла лишь об утверждении обязательного постановления 12 июля, имевшего в виду один только департамент Нижнего Рейна. Но выступивший после Лави депутат Мопассан предложил не только утвердить постановление Страсбургских властей, но и распространить его на всю Францию.

«Меры, принятые нашими комиссарами в департаменте Нижнего Рейна,—заявил Мопассан,—являются безусловно правильными и я не сомневаюсь, что Собрание одобрит эти принципы. Но, господа, не в одном только департаменте Нижнего Рейна следует собрать и интернировать эти фанатические существа. Поэтому я предлагаю, чтобы Собрание распространило эти мероприятия на все департаменты. Нужно предоставить администрациям департаментов право устанавливать места, в которых они могли бы собираять всех неприсяжных священников и монахов. Необходимо во что бы то ни стало очистить королевство от этих существ. Мы сцепаем их во имя отца, сына и закона».

Однако, как и следовало ожидать, предложение Мопассана было встречено Конституантой враждебно. Сильная политическая реакция, наступившая во Франции после возвращения Людовика XVI из Варенна, весьма мало способствовала осуществлению Учредительным Собранием мероприятий, подобных тем, которые имел в виду Мопассан и он это, повидимому, очень скоро сообразил, ибо в конце того же заседания взял свое предложение обратно.

Собрание ограничилось тем, что утвердило постановление департамента Нижнего Рейна, но с той поправкой, что размеры запретной для неприсяжных священников пограничной зоны были увеличены до 30 лье.

День утверждения Учредительным Собранием обязательного постановления департамента Нижнего Рейна был как раз днем знаменитой бойни на Марсовом поле. Как известно, событие это крайне обострило напетившееся еще ранее резко реакционное настроение крупно-буржуазного большинства Конституанты и поэтому неудивительно, что мероприятия, санкционированные 17 июля уже очень скоро должны были показаться черезчур революционными. Это с полной очевидностью сказалось в заседании Учредительного Собрания 4 августа.

В этот день депутат Легран от имени нескольких об'единенных комитетов Собрания предложил на утверждение его пленума проект двух декретов относительно неприсяжных священников. Первый декрет касался специально северных пограничных департаментов—Севера и Па-де-Калэ; второй имел в виду всю остальную Францию.

Легран начал свою речь с указания на многочисленные

контрреволюционные присяги неприсяжного духовенства, широкой волной распространившиеся по всей Франции.

«Мы не скроем от вас,—говорил он затем,—что мы оказались вынужденными столкнуться с великим принципом умеренности, неизменно сопровождавшим ваши декреты и всю вашу работу. Но мы полагали, что при столь тяжелых обстоятельствах, как нынешние, ни один человек, носящий в своем сердце стремление к миру, не может возражать против того, чтобы безусловно временные, хотя и репрессивные, меры ограничили до известной степени свободу некоторых граждан. Ибо, господа, первым законом является спасение и спокойствие общества».

Первый из предложенных Леграном проектов декрета предлагал распространить на департаменты Севера и Па-де-Калэ мероприятия, уже одобренные Собранием в отношении департамента Нижнего Рейна. Все неприсяжные священники и монахи этих департаментов, за исключением больных и престарелых, а также и тех, кто в течение недели принесут предписанную декретом 27 ноября 1790 г. присягу, должны были переселиться внутрь Франции, на расстояние не менее, чем 30 лье от границы. На исполнение этого распоряжения предоставлялся недельный срок; неподчинившиеся подлежали аресту.

Что же касается до второго декрета, то согласно ему неприсяжные церковники всех департаментов Франции, за исключением пограничных, должны были в течение недели удалиться от своих бывших епархий или приходов на расстояние не менее, чем на 10 лье. Исключение делалось только для больных и престарелых, а также и тех, за которых будут хлопотать генеральные советы их коммун, при условии, если соответствующие постановления будут приняты большинством двух третей голосов. Не исполнившие этого требования в недельный срок церковники подлежали аресту.

Помимо изложенных пунктов, второй проект Леграна содержал еще одно довольно важное ограничение принципов декрета 7 мая 1791 г. «Ни один не являющийся должностным лицом приходской церкви клирик,—гласила ст. 6 этого проекта,—не будет иметь права совершать в этой церкви мессы в то время, как в ней будет совершаться церковная служба соответствующими клириками—должностными лицами»¹⁾.

Оба проекта Леграна были встречены Учредительным Собранием весьма враждебно. Выразителем общего настроения явился известный реннский депутат Ле-Шапелье, который заявил:

«Серьезность положения во многих департаментах и волнения, возбужденные непокорными священниками, вызвали предложенные вам проекты и нельзя, конечно, отрицать, что необходим закон, который позволит карать подобные волнения. Но, как по моему личному мнению, так и по мнению многих других, этой цели не может достигнуть закон, смешивающий воедино как виновных, так и невинных. Законодатели не должны прибегать к общему выселению всех некогда носявших церковное или монашеское одеяние и не принесших присяги, обязательной лишь для должностных лиц. К тому же закон не устанавливает отказ от

такой присяги никакого другого наказания, кроме лишения прав должностного лица. Законодатель может лишь издавать законы, но применение их составляет дело судов.

«Бы силу этих соображений я предлагаю возвратить в комитеты проекты этих декретов, столь противные принципам Собрания и принятие коих противоречило бы декретированной вами превосходной конституции. Комитеты должны предложить нам не приговоры, а законодательные постановления, могущие быть примененные судами в установленном законом легальном порядке»¹⁾.

Предложение Ле-Шапелье было принято и оба проекта Леграна были возвращены в соответствующие комитеты. Это было равносильно их отклонению и действительно, в последующие месяцы своей работы Учредительное Собрание к этим проектам более не возвращалось.

Но отклонение проектов Леграна не было единственным проявлением влияния реакционного настроения Учредительного Собрания в последние месяцы его существования на его церковную политику. При окончательном обсуждении конституции 1791 года, декрет о гражданском устройстве духовенства не был включен в ее состав и это означало возможность его пересмотра не в конституционном, а в обще-законодательном порядке. Несудивительно, что постановление это сильно обрадовало Людовика XVI. А принятая Учредительным Собранием 14 сентября 1791 г. амнистия в отношении «всех связанных с революцией деяний»²⁾ касалась также, само собой разумеется, и контрреволюционных присков духовенства. Таким образом, мы можем констатировать, что в последние месяцы своего существования, Учредительное Собрание не только не отказалось от соглашательной политики в отношении духовенства, усвоенной им начиная с декрета 7 мая, но и значительно усугубило таковую. Наступившая после бегства в Варену обще-политическая реакция, сделала Учредительное Собрание совершенно неспособным бороться со столь усилившимися, начиная с весны 1791 г., контрреволюционными выступлениями неприсяжных церковников и поэтому задача этой борьбы со всей тяжестью легла на плечи сменившего Конституанту нового Собрания—Законодательного.

III.

Обозначившееся осенью 1791 г. заметное усиление контрреволюционной деятельности неприсяжного духовенства было следствием не одного только морального впечатления, оказанного церковной политикой Учредительного Собрания в последние месяцы его существования. Мы уже знаем, что летом 1791 г. многие муниципалитеты оказались вынужденными, не спрашиваясь Учредительного Собрания, за свой собственный страх и риск прибегнуть к кое-каким репрессивным мероприятиям в отношении наиболее непокорных и злостных церковников и нет никаких сомнений в том, что эти мероприятия дали самый благоприятный результат. Но вотированная 14 сентября амнистия свела все эти

¹⁾ Там-же, стр. 183—184.

²⁾ Текст закона об амнистии см. А. Р., т. XXX. стр. 632.

меры на нет и, само собой разумеется, что получившие благодаря ей полную свободу ранее выселенные или интернированные местными властями попы, возгорелись жаждой мести и новсеместно стали главными очагами самой разнуданной контрреволюционной пропаганды.

Сильнее всего контрреволюционные махинации церковников оказались, как этого и следовало ожидать, в Вандее. Для характеристики того, что там в это время происходило, возьмем доложенный Закоодательному Собранию 9 октября 1791 г. отчет Галлуа и Жансонне, посланных правительством 23 июля в Вандею в качестве специальных комиссаров для восстановления общественного спокойствия¹⁾.

«Волнения в департаменте Вандея,—читаем мы в этом отчете,—начались со времени установления присяги церковников. До этого времени тамошнее население пребывало в полном спокойствии. Отдаленное от центра всех действий и сопротивлений, по-своему природному характеру склонное к любви и миру, стремлению к порядку и уважению к закону, оно пользовалось всеми благодеяниями Революции, не ощущая, вместе с тем, ее тягот.

«В деревнях, трудность сообщений, простота чисто земельской жизни, полученные с раннего детства уроки и постоянно приковывавшие внимание религиозные эмблемы,—отдали души жителей во власть бесконечного числа суеверных настроений, которые при нынешнем состоянии вещей никак не могут быть разрушены или умерены.

«Их религия, т.-е. религия в том виде, в каком они ее понимают, сделалась для них наиболее мощной и можно даже сказать единственной моральной привычкой всей их жизни. Ее наиболее важным об'ектом является кульп икон, и внушитель этого культа, тот, кого сельские жители рассматривают, как распределителя небесных милостей,ющего силой своих молитв смягчить превратности погоды и располагать благами будущей жизни, очень легко приобретает их живейшую любовь и сильнейшую привязанность.

«Постоянство жителей этого департамента в их религиозных склонностях и безграничная вера, коей пользуются привычные для них священники, являются важнейшими причинами возникших и еще могущих возникнуть там беспорядков.

«Легко понять, с какой активностью заблуждающиеся или злоказненные священники должны были использовать в своих целях эти настроения населения. Они ничем не пренебрегали, чтобы подогревать рвение, разгорячать совесть, раззадоривать слабых и поддерживать сильных. В одних они поддерживали беспокойство и раскаяние; другим давались надежда на счастье и вера в спасение; почти на всех были удачно использованы влияние подкупа и страха»²⁾.

Когда был издан закон о присяге, вандейские церковники использовали все свое влияние на местное население с целью восстановления его против присяжного духовенства и посейния в отношении этого последнего сильнейшего недоверия и ненависти.

«Разделение духовенства на присяжное и неприсяжное вывало среди населения приходов жесточайшие раздоры. Раскол произошел даже внутри отдельных семей и можно часто видеть, как женщины покидают своих мужей, а дети—родителей. Акты гражданского состояния регистрируются большей частью лишь на простых листках бумаги и ведущее их частное лицо, не будучи облечено никаким должностным характером, не может придать им необходимой легальности.

«Муниципалитеты совершенно дезорганизованы и об'ясняется это тем, что многие из них не желают принимать участия в удалении неприсяжных священников.

«Значительная часть граждан отказалась от службы в национальной гвардии, а те, кто остались, не могут быть использованы против движений, связанных с вопросами религии, так как народ увидел бы в этом случае в национальных гвардейцах не безличных слуг закона, а агентов враждебной ему партии.

«Во многих частях департамента народ с ненавистью взирает на администраторов, судей и членов избирательного корпуса, ибо они принимают участие в применении закона о церковных чиновниках.

«Такое настроение умов тем более печально, что возможность противодействия ему делается с каждым днем все более и более загруднительной. Народ смешивает общие государственные законы со специальными регламентами о гражданском устройстве духовенства, избегает присутствовать при чтении законов и делает бесполезной их публикацию.

«Недовольные, т.-е. люди, ненавидящие новый режим, а равно и те, кто не любит законов нового режима, касающихся духовенства тщательно усиливают это настроение народа и всеми имеющимися в их распоряжении средствами поддерживают влияние неприсяжных священников и, наоборот, подрывают влияние присяжных. Неимущий не получает помощи, ремесленник может надеяться на возможность применения своих способностей и своего ремесла лишь поскольку он не посещает мессу присяжного священника. Именно в силу одновременного действия доверия к прежним священникам, с одной стороны, и угроз и подарков—с другой, обслуживающие присяжными священниками церкви в настоящее время пустуют, и, наоборот, ломятся от народа те, где, в силу отсутствия кандидатов, неприсяжные священники не могут быть еще заменены.

«Нет ничего более обычного, чем то, что в приходах на считающих от пяти до шести сот человек, на мессу присяжного священника идут человек 10—12. Во всех местностях департамента эта пропорция неизменна. По воскресным или праздничным дням целые деревни и поселки оставляют свои очаги, чтобы отправиться за одну или две лье слушать мессу неприсяжного священника. Эти вечные передвижения представляются нам важнейшей причиной то явного, то скрытого брожения, существующего почти во всех обслуживаемых присяжными священниками приходах. Легко себе представить, с какой ненавистью люди, считающие себя в силу велений своей совести обязанными отправляться за тридевять земель искать требующееся им духовное утешение, взирают, по возвращении домой, на пять или шесть человек, имеющих под рукой угодного им священника.

¹⁾ Текст этого отчета см. А. Р., т. XXXIV, стр 141—147.
²⁾ Там-же, стр. 142.

Они завидуют и в силу этого третируют, а часто и ненавидят людей, которые по их мнению пользуются в религиозной области исключительной привилегией. Производя сравнение между той легкостью, с которой они ранее находили пользовавшегося их доверием священника, и теми затруднениями, усталостью и потерей времени, которые являются следствием их теперешних вечных путешествий, они естественно начинают ненавидеть конституцию, в существовании которой они видят причину всех переживаемых ими в настоящее время трудностей...

«... Таким образом, религиозные раздоры приводят к политической вражде между гражданами... Для этих несчастных сельских жителей любовь или ненависть к родине заключается в настоящее время не в подчинении законам иуважении к установленным властям, а в том, итти или не итти на мессу присяжного священника. Подкуп, невежество и предрассудки пустили в этом отношении столь глубокие корни, что нам стоило очень больших трудов втолковать им, что политическая конституция государства отнюдь не то же самое, что гражданское устройство духовенства; что закон не насищает совести и что каждый имеет право посещать ту мессу, которая ему больше нравится и слушать священника, которому он более доверяет; что они все равны перед законом и что единственное обязательство, которое он на них накладывает, заключается в том, чтобы жить в мире и спокойно переносить разницу в своих религиозных воззрениях...»¹⁾.

Типичным примером следствий, к которым приводило подобное положение вещей, могут послужить события, произшедшие в начале ноября 1791 г. в соседнем с департаментом Вандеи, департаменте Мэн-и-Луар. Вот что сообщала об этих событиях местная дирекция департамента в письме, зачитанном в Законодательном Собрании 6 ноября:

«Администраторы департамента Мэн-и-Луар направляют к вам чрезвычайного курьера, чтобы уведомить о происходящих в департаменте беспорядках. Они таковы, что если вы не примите быстрых мер, следствием их будут несчастья, результаты коих будут неисчислимы. Происходящие в нескольких местах департамента сборища от трех до четырех тысяч вооруженных людей предаются всем эксцессам, какие только могут быть следствием бредового суеверия и фанатизма. Паломничества в часовню богоматери и организованные непокорными священникамиочные процесии послужили поводом и прелюдией этих сборищ. Их было легко разгонять до тех пор, пока паломники имели в руках только молитвенники; но теперь, когда их священники опьянили их своей священной ненавистью, громко проповедуя, что администраторы, муниципальные чиновники и присяжные церковники являются врагами религии; теперь, когда эти люди вооружены ружьями, косами и пиками и когда имели место вооруженные столкновения между ними и национальными гвардейцами,— теперь уже нельзя говорить, что это чисто религиозные раздоры, на которые не следует обращать внимания.

«По всему департаменту конституционные священники подвергаются оскорблению и насилию, не останавливающимся

перед помещением алтаря. Двери упраздненных декретами Учредительного Собрания церквей разносятся ударами топоров. Эти церкви захватываются их прежними кюре, отправляющими в церковную службу. Налоговые переписи в деревнях приостановлены, так как большинство оскорбляемых и преследуемых при отправлении их обязанностей чиновников прекратили свою работу. Три главных города дистриктов подвергаются в настоящее время осаде и им угрожает опасность быть захваченными, подожженными и разграбленными этими разбойниками.

«Брожение достигло наивысшего предела и если ваша мудрость не продиктует вам необходимых мер, взрыв будет ужасный и непокорные священники, какого бы презрения они не заслуживали, приведут нас посредством гражданской войны к неизбежной контр-революции. Ими руководят отнюдь не интересы религии, вовсе не предписывающие волиовать государства. В данном случае эти интересы являются лишь ширмой, прикрывающей стремление этих людей к ниспровержению конституции»¹⁾.

Не лучше обстояло дело и в противоположном конце Франции—на юге. В только что присоединенных к Франции бывших папских владениях Авиньоне и Венесанском графстве²⁾ побежденная папская партия горела жаждой мести и ждала только удобного случая, чтобы обрушиться на торжествовавших победу «патриотов». Результатом этого явились кровавые авиньонские события 16 октября 1791 г., представление о которых может лучше всего дать нижеследующий отрывок из доклада Законодательному Собранию, сделанного 4 ноября Бреаром от имени комитета пегиций этого Собрания.

«16 октября с раннего утра на улицах были развесены загигательные плакаты, приглашавшие население к восстанию. Одна из обычных поповских хитростей, почти всегда используемых этими подлыми лицемерами во времена господства суеверия и невежества, оказалась удачно примененной и на этот раз: был распущен слух, что крайне почитаемая в Авиньоне статуя богоматери проливает слезы и что покрывающая ее лицо краснота свидетельствует о страданиях и гневе, возбуждаемых в ней грозящей католической религии опасностью. Легковерный народ, всегда предрасположенный со слепым энтузиазмом принимать на веру все то, что его невежество рисует ему в качестве сверхестественного, ринулся в огромном количестве к церкви Кордельеров. Говорят, что подлые мерзавцы заранее приняли гнусную предосторожность соответствующим образом раскрасить эту статую и эта хитрость принесла ожидаемые результаты. Раздаются крики о чуде; фанатическая ярость проникает в души и подчиняет себе малоразвитые умы этих безумных граждан, не понимающих той грубой хитрости, жертвой которой они становятся.

1) Там-же, стр. 662—663.

2) Венесанское графство принадлежало римскому папе еще с XIII века, а Авиньон—с XIV-го. С начала Французской Революции в этих областях, со всех сторон окружанных французской территорией, началось бурное революционное движение, очень скоро перешедшее в настоящую гражданскую войну между папистами и сторонниками присоединения к Франции. После длительных колебаний и переговоров с папой, так и не давших каких-либо результатов, Учредительное Собрание декретом 14 сентября 1791 г. провозгласило присоединение этих областей к Франции.

Собравшаяся толпа овладевает главными воротами города.... находящиеся на укреплениях Авиньона пушки частью разбиваются, частью обращаются восставшими против города. На церкви Кордельеров бьют в набат и собравшаяся у церкви толпа становится с каждой минутой все многочисленнее и возбужденнее. Гражданин Лекюе¹), секретарь коммуны, проводится в церковь под охраной шести вооруженных людей... Его заставляют подняться на кафедру и отвечать на задаваемые ему вопросы. Но воожаки движения начинают скоро опасаться, что мудрые ответы этого добродетельного гражданина просветят народ и поэтому его стаскивают с кафедры и уводят в алтарь... Через несколько минут несчастный падает, пораженный множеством ударов»²).

Но на этот раз контр-революционное духовенство просчиталось. Извести о смерти Лекюе вызвало бурный взрыв негодования авиньонских революционных масс и не надеясь на пра-восудие умеренно-настроенных властей, они решили прибегнуть к самосуду. Значительное количество схваченных в Авиньоне контр-революционеров были перебиты в тот же и на следующий день, 17 октября, а трупы их были брошены в подвал напского дворца, так называемый «ледник» (*la glacière*)³.

Таково было положение вещей, когда 1 октября 1791 г. начало свою работу сменившее Учредительное Собрание—Собрание Законодательное. Хотя в этом Собрании бывшие привилегированные сословия были представлены несравненно слабее, неожели в Конституанте (в частности в нем было всего 26 церковников, из коих 10 епископов), однако цензовый характер выборов привел к тому, что Законодательное Собрание оказалось лишь очень немногим левее своего предшественника. В области церковного вопроса это с полной очевидностью сказалось уже в заседании 7 октября, когда будущий монтаньяр и робеспьерист Кутон, указав на многочисленные контр-революционные выступления неприсяжных священников, предложил поставить вопрос о них в порядке дня Законодательного Собрания. Выступивший вслед за Кутоном депутат Журнэ заявил, что нарисованная им картина сильно преувеличена по сравнению с действительностью и Собрание, согласившись с оратором, постановило отложить рассмотрение предложения Кутона на целые две недели.

Прения по вопросу о неприсяжных священниках начались 21 октября и продолжались с перерывами до 3 ноября. Само собой разумеется, что мы не будем останавливаться на всех произнесенных во время этих дебатов речах и отметим лишь основные линии развернувшихся прений.

Точка зрения крайне-левого крыла Законодательного Собрания, т.е. тех, кого стали скоро называть монтаньярами, была в развернутом виде развита в речи уже первого из выступивших в прениях депутатов — Лежона, начавшего свое выступление с описания результатов контр-революционной деятельности неприсяжных церковников:

«Публично поносить конституцию, мешать распродаже на-

циональных имуществ, подрывать доверие и кредит, распространять ложные страхи и опасения контр-революции, вносит ужас и сомнение в души, доводить воображение до бреда,—такова далеко еще не «тражавшая действительности картина махинаций неприсяжных священников.

«Они возбуждают сельских жителей друг против друга, оскорбляют конституционных священников даже при исполнении их обязанностей; бросают камни в алтари и церковные процесии, тайно крестят и хоронят в лесах и болотах. Но что еще опаснее, это их влияние на сельское население... Нет никакого сомнения в том, что это вековое влияние является главной причиной бесчисленных несчастий, происшедших во множестве департаментов. Непокорный и фанатичный священник причинит общественному делу гораздо больше вреда, чем самые яростные врачи конституции. Именно с этой точки зрения, господа, необходимо рассматривать крайне важный вопрос, стоящий сейчас в нашем порядке дня. Речь идет не о свободе религиозных верований, а о спасении государства. Издадим строгие законы против бунтовщиков, ибо если мы не обратим на них внимания, священники заставят пролиться целые потоки крови.

«Итак, необходимо при помощи требуемого остротой и спешностью обстоятельств строгого закона удалить из деревень этих бунтовщиков, с необычайной наглостью и поразительным успехом пропагандирующих свое гнусное и деспотическое учение. Их необходимо интернировать в главных городах соответствующих департаментов, где они будут под наблюдением местных администраторов. Таким путем деревни будут спасены от беспорядков и будет ликвидировано то влияние, которое дает священников простота и податливость семлевладельцев... Мера эта тем более необходима, что она является единственной, могущей прекратить источник жалоб, доносящихся до Собрания со всех концов страны».

Приблизительно в таком же духе выступали и остальные сторонники репрессий. Что же касается до предлагаемых ими конкретных мер, то они были довольно различны и колебались от денежного взыскания до предложенных Жаном Дювалем высылки за границу и пожизненного заточения.

Переходя к точке зрения представителей правой части Законодательного Собрания, следует сказать, что они, само собой разумеется, высказывались против всяких репрессий в отношении неприсяжного духовенства, причем такие репрессии истолковывались ими как нарушение провозглашенного Декларацией прав принципа свободы религиозных верований. «Кто поверит,—воскликнул с пафосом некий депутат Давиньо,—что с трибуны этого Собрания смели громко провозгласить, что диссиденты виновны в преступлении против нации?... Как, в век зрелости философии, осмеливаются провозглашать, что различие убеждений составляет преступление! Что же касается до тех случаев, когда неприсяжные священники будут нарушать общественный порядок и спокойствие, то случаи эти уже предусмотрены законом 27 ноября 1790 г. и нет ровно никакой необходимости еще раз возвращаясь к этому вопросу.

В таком же точно духе высказывался депутат Бекей. «Ни один закон,—говорил он,—не может быть более действенным, не-

¹⁾ Один из виднейших вождей местной революционной партии.

²⁾ А. Р., т. XXXIV, стр. 633—634.

³⁾ Подробнее об этих событиях см. Louis Blanc, *Histoire de la Révolution Française*, Т. VII, книга VII, глава III.

жили уже существующие, разве только мы откажемся от основных принципов конституции. Но так как мы отнюдь от них отступать не хотим, то вы не согласитесь разрешить имевшие место в некоторых департаментах произвольные изгнания и высылки, которые, составляя непредусмотренный законом вид наказания, являются вместе с тем и страшно тираническими, ибо смешивают воедино правых и виноватых и несправедливо заставляют целую каству переносить наказание, которое некоторые из ее членов может быть и заслужили бы, если-бы оно было установлено законом».

Но если таким образом часть правого сектора Законодательного Собрания стала на путь прямой оппозиции каким бы то ни было репрессивным мероприятиям против неприсяжного духовенства, то наряду с ними нашлись и такие противники этих мероприятий, которые предпочли более окольный и хитроумный путь. Именно таково было, в частности, значение внесенного депутатом Бэрром проекта отделения церкви от государства, несмотря на свою кажущуюся левизну на самом деле направленного лишь к защите интересов неприсяжного духовенства.

В виду чрезвычайно большого интереса, представляемого как этим предложением вообще, так и в особенности потому, что оно было сделано справа, мы остановимся на выступлении Бэра несколько более подробно и приведем его наиболее важные положения.

Бэр, как и другие противники репрессивного закона против неприсяжного духовенства, начал свою речь с утверждения, что такой закон был бы равносителен ограничению свободы религиозных верований. «Середины в данном вопросе быть не может: либо нужно допустить свободу совести, либо ее нужно преследовать. Либо нужно забыть о священниках и рассматривать их как простых граждан, каковыми они являются в глазах закона, либо нужно возобновить предложение Дон-Жерля и об явить какую-нибудь религию господствующей, т.-е. имеющей право преследовать другие... На этот счет, господа, не должно быть никаких заблуждений. То звание конституционных священников, которое поспешили себе присвоить служители оплачиваемого государством культа, не взирая на то, что конституция не признает никаких священников,—это звание, говорю я, имеет в виду не более и не менее, как связать их дело с делом конституции, которое на самом деле касается их лишь постольку, поскольку говорит об их вознаграждении, и незаметно привести вас к тому, чтобы рассматривать их как служителей признанной конституцией и господствующей религии.

«Именно таким образом во все времена и во всех странах священники заставляли рассматривать себя, как опору тронов, которые они затем расшатывали и опрокидывали. Именно таким образом они, поддерживая сначала деспотов, обвиняли их потом в покушении на алтарь; в этом обвиняли они Учредительное Собрание, в этом они обвиняют и его продолжателей. И черта эта, господа, свойственна не только католическим священникам, все равно присяжным или нет, римским или не римским, но и служителям всех культов, всех сект, во все времена и во всех странах. Повсюду, как только священников перестают рассматривать в качестве простых граждан... свойственное всем священникам и

даже вообще всем людям стремление к власти развивается с тем более страшной и опасной силой, что их корпорация крайне многочисленна.

«Будем же остерегаться, господа, владычества священников... и не будем усиливать их позорных раздоров, придавая им значение, которое они потеряют, как только к ним отнесутся с тем презрением, которого они в действительности заслуживают... Перестаньте заниматься раздорами священников и эти раздоры прекратятся.

«Вы, господа, торжественно признали свободу религиозных верований и эта свобода является одним из краеугольных камней нашей конституции. Вы поклялись не соглашаться ни на что, могущее принести ущерб этой свободе и после этого к вам приходят и говорят, что крестьяне вынуждены ходить за две лье от своего жилья слушать мессу священника, которому они доверяют. Вам говорят, что обслуживаются так называемыми конституционными (я же называю их присяжными) священниками церкви пустуют и что их избегают; вам говорят, что священники, которых упорно называют непокорными, исповедуют и причащаются у себя на дому! Но какое вам до всего этого дела? Какая связь существует между вами и священниками, как таковыми? Почему вас хотят непременно заставить принуждать людей верить в то, во что верите вы сами, и не верить в то, во что вы не верите? Уж не хотят ли сделать вас посредниками между людской совестью и богом?...

«Ну а что, если священник будет осуждать не нравящуюся ему конституцию и пророчить желательную ему ее близкую гибель, или призывать к восстанию против установленных властей и непослушанию закону? В первом случае он лишь пользуется предоставленной ему конституцией свободой мнений, ибо хороша или плоха эта конституция, она никого не заставляет любить ее. Во втором же случае он явится просто преступным гражданином, который должен быть преследован судом и с которым следует поступить по всей строгости законов... Я отнюдь не хочу сказать вам, что не существует священников, призывающих к непослушанию законам, но в этом случае закон должен карать его, как всякого прочего гражданина...».

В заключение своей речи Бэр предложил Законодательному Собранию следующий проект декрета:

«Ст. 1. Национальное Собрание декретирует, что его законодательный комитет прежде всякой другой работы займется выработкой способа ведения гражданскими чиновниками актов крестин, браков и похорон.

«Ст. 2. В городах, по просьбе 300 граждан, будет выделена церковь для совершения в таковой службы неприсяжными священниками; в деревнях, по просьбе 50 человек, будут указаны часовни, в течение которых служба будет вестись такими же священниками.

«Ст. 3. Всякое лицо, которое будет мешать осуществлению какого бы то ни было культа или будет оскорблять чьи-бы то ни было религиозные верования, будет приговорено, смотря по обстоятельствам, либо к штрафу, двухкратному по сравнению с платимым им налогом с движимости, либо к двум месяцам тюремного заключения.

«С. 4. Единственным видом присяги французских граждан будет отныне присяга гражданская».

Еще дальше, чем Бэр, пошел в своих предложениях выступивший вслед за ним депутат Илэр.

«Мы по своему опыту слишком хорошо знаем,—говорил он,—что духовенство, к какому культу бы оно не принадлежало, никогда не довольствовалось своими священническими функциями, но всегда вмешивалось в гражданские дела, ибо прекрасно знал, что соединение обоих властей дает ему возможность добиться всего, чего оно только не пожелает. Поэтому, господа, необходим декрет, который закончит начатое вами дело: вы должны отнять у духовенства как право регистрировать крестьянина, так и право регистрировать смерти. Что касается до брака, то конституция уже рассматривает его, как чисто гражданский договор.

«...Кроме того, необходимо об'явить, что церковные функции несовместимы с функциями чисто гражданскими и что занятые важными делами религии, священники не должны иметь права и издавать законы, ни участвовать в их применении; их влияние слишком опасно, а их мнения—подозрительны...

«...В силу всего вышеизложенного, я предлагаю Собранию декретировать следующие статьи:

«Ст. 1. Принимая во внимание, что конституция разрешает свободное совершение каких бы то ни было культов, каждый имеет право иметь церковь и священников согласно своим верованиям. Те, кто будут либо прямо, либо косвенно—посредством угроз или насилий—мешать отправлению какого-либо культа, подлежат преследованию перед судом по инициативе общественных обвинителей, лично ответственных за всякую в данном отношении небрежность.

«Ст. 2. Все гражданские должности об'являются несовместимыми со священническим саном.

«Ст. 3. Народное образование может быть поручено лишь светским лицам. Единственным исключением из этого правила может быть богословие, преподавание которого может осуществляться клириками.

«Ст. 4. Все акты брака, рождения и смерти должны регистрироваться в канцелярии муниципалитета в присутствии муниципального чиновника или двух свидетелей.

«Ст. 5. По единодушному постановлению граждан какого-либо прихода, им предоставляется право сохранения своих неприсяжных священников, но при том условии, что они сами будут выплачивать таковых без какой-либо прямой или косвенной поддержки нации. Но так как нация стремится быть щедрой в отношении всех французов, предназначенная для такого прихода церковь будет предоставляться ему безвозмездно.

«Ст. 6. На случай, если половина или треть прихода постановит иметь присяжного священника, остальные половина или две трети обязаны за свой счет найти себе другую церковь.

«Ст. 7. Все священники, обслуживающие подобные церкви, будут лишены выплачиваемого им нацией в настоящее время содержания, начиная с момента их вступления в должность.

«Ст. 8. В случае, если будет доказано, что неприсяжный священник проповедует контрреволюцию или нетерпимость, он буд-

дет передан в распоряжение общественного обвинителя и будет судим и наказан, как изменник отечеству».

Выступления Бэра и Илэра с несомненностью показывают, что в данном случае, не взирая на их словесные выпады против духовенства, под маской отделения церкви от государства вносились предложения, на самом деле имевшие в виду более широкие цели, чем только воспрепятствовать изданию репрессивного закона против неприсяжных священников.

Преднамеренно игнорируя действительную сущность обсуждавшегося Легислативой вопроса о мерах борьбы с контрреволюционной деятельностью неприсяжного духовенства и подменяя его совершенно не относившимся к делу вопросом о свободе культов, Бэр и Илэр таким путем стремились сразу убить двух зайцев: не только отвергнуть необходимость репрессивного закона против неприсяжных церковников, но и добиться улучшения положения этих последних даже по сравнению с предписаниями благоприятного для них декрета 7 мая 1791 г. Таким образом политическая цель этих выступлений совершенно очевидна.

Но наряду с этими несомненно правыми ораторами, противниками предложений монтаньяров выступили и представители умеренно-левой части Законодательного Собрания, т.-е. жирондисты, причем аргументация их ораторов—Дюко и Жансонне—весьма сильно напоминала аргументацию Бэра и Илэра.

Основной задачей Собрания, говорил в своей речи Дюко, является примирение принципа свободы религиозных мнений с необходимостью защиты государства от угрожающей ему контрреволюционной пропаганды неприсяжных священников. «Я полагаю,—воскликнул он,—что я разрешил эту проблему. Отделите от того, что касается государства, все то, что касается религии. Приравняйте высказывание религиозных взглядов к высказыванию всех прочих взглядов и уподобьте религиозные собрания всем остальным собраниям граждан. Пусть все секты имеют одинаковые права на избрание своих епископов или мулл, пасторов или раввинов, подобно тому как народные общества избирают из своей среды председателей и секретарей. Пусть закон обращается только к гражданам, но не к последователям той или иной религии; наконец, пусть гражданская и политическая жизнь будет совершенно независима от жизни религиозной.

«Но, могут мне возразить, ведь высказывание религиозных взглядов может привести к беспорядкам и способно выродиться в преступление. Что же из этого? Разве у нас не существуют полицейские законы и уголовный кодекс?».

Влияние неприсяжных священников на сельское население, говорил далее Дюко, объясняется только невежеством и отсталостью этого последнего, в силу этого смешивающего вопросы политические и религиозные. Поэтому всякое преследование неприсяжного духовенства будет только ему на руку. «Никогда не следует делать того, чего хочет наш враг. Наши враги хотят смеяться воедино совершенно различные вещи и именно поэтому необходимо их разделить. Наши враги хотят быть преследуемы и поэтому нужно отнять у них малейшие поводы утверждать, что их преследуют. И даже если те, кто отвергают гражданское устройство духовенства будут вместе с тем отвергать и конститу-

цию, мы не имеем права наказывать их до тех пор, пока они не проявят своего настроения посредством действий, положительно запрещенных законом. Итак, мы еще раз приходим к выводу, что не нужно никакого специального закона против священников и что они могут быть наказуемы, лишь как простые граждане.

Совершенно также рассуждал и другой жирондист—Жансонне. не «Предложенное здесь изгнание или интернирование неприсяжных священников, явилось бы мероприятием абсурдным, тиранническим и неконституционным, все равно рассматривать ли его в отношении самих этих священников или в отношении разделяющей их религиозные убеждения части народа». Решительно отвергая необходимость издания подобного закона, Жансонне взамен его рекомендовал меры совершенно иного характера:

«Издайте закон против нетерпимости всех без исключения сект. Устраните малейшие намеки на преследования и фанатизм прекратится за отсутствием питательной почвы. Дайте нам чисто гражданский закон, в равной мере защищающий все мнения и одинаково строгий в отношении какого бы то ни было кастового духа. Займитесь отделением церковных функций и отправления религиозного культа от всего того, что касается гражданского и политического строя государства. Наконец, посредством точных и ясных предписаний, определите сущность того, что составляет общественные беспорядки и следите за строгим применением закона в отношении всех виновных в его нарушении граждан, независимо от их религиозных взглядов».

Итак, если жирондисты Дюко и Жансонне в отличие от Бера и Илэра не предлагают улучшить существующего положения неприсяжных церковников, то зато их возражения против специального репрессивного закона против этих последних целиком совпадают. Совершенно игнорируя специфические условия, облегчающие контр-революционную деятельность неприсяжного духовенства и делающее ее особенно опасной, Дюко и Жансонне предлагают подходить к ней с уголовным кодексом в руках и действовать на основании одних только его норм. Можно ли более ясно и четко, чем в этих словах, продемонстрировать столь свойственный жирондистской буржуазии страх перед революцией и революционными методами борьбы?...

Трогательное совпадение во взглядах жирондистов и правых позволяет утверждать, что большинство Законодательного Собрания было в это время настроено решительно против предложенных монтаньярами репрессивных мер и далеко не случайно поэтому была радость правого депутата Лекоза, писавшего 29 октября, что «Собрание становится с каждым днем все более зрелым и замечательным шагом приближается к подобающей законодателям серьезности»¹⁾.

Постановлением 3 ноября Законодательное Собрание предписало своему законодательному комитету в недельный срок представить ему проект декрета о неприсяжных священниках, учитывающий все высказанные на пленуме Собрания по этому вопросу соображения²⁾, и при данной обстановке все заславляло предполагать, что как этот проект, так и окончательное реше-

ние Легислативы будет весьма значительно отличаться от предложений монтаньяров.

Однако, уже в дни, непосредственно последовавшие за постановлением 3 ноября, наметился довольно значительный поворот в настроении жирондистов и поворот этот, само собой разумеется, не мог не сказаться на поведении всего Собрания. Причиной этого поворота были как поступившие в эти дни известия из провинции, так и давление революционного общественного мнения, властно требовавшего от Легислативы более решительной борьбы с контр-революционными выступлениями церковников.

Нам уже приходилось упоминать о сообщении дирекtorии департамента Мэн-и-Луар, зачитанном депутатом Делонэ в заседании Законодательного Собрания 6-го ноября. В этот же день другой депутат сообщил, что в департаменте Майнен администрации эвронского дистrikта были осаждены фанатизированной неприсяжными священниками толпой и лишь прибывшие им на помощь 300 национальных гвардейцев спасли их от неизбежной расправы. Таким образом становилось совершенно очевидным, что контр-революционная агитация неприсяжных священников к этому времени уже начала перерастать в открытую гражданскую войну и выступивший в том же заседании один неукаанный по фамилии депутат был совершенно прав, когда утверждал, что «священники дождались теперь столь долгожданной минуты, когда они имеют возможность низвергнуть конституцией и восстановить свое сословие».

Но весьма вероятно, что даже эти вопиющие факты не изменили бы точки зрения жирондистов, если бы они одновременно с этим не испытывали давления со стороны революционного общественного мнения. Якобинский клуб, в июле 1791 г. отделившийся от фельянов и состоявший в это время лишь из жирондистов и монтаньяров, в своих заседаниях 24 и 28 октября и 6 ноября поставил в порядке своих прений вопрос о судьбе неприсяжных священников и громко требовал издания направленного против них репрессивного закона. В заседании 7 ноября Биоза предложил приравнять неприсяжных священников к эмигрантам, закон о коих обсуждался в это время Законодательным Собранием и на следующий день клуб не только одобрил этот проект, но и предложил передать его на рассмотрение конституционного комитета Легислативы. Само собой разумеется, что все эти события не могли не остаться без влияния на позицию жирондистов, и весьма вероятно, что боязнь потери популярности оказала на эволюцию их точки зрения не меньшее влияние, чем трезвый учет грозящей революции со стороны духовенства опасности.

Так, или иначе, уже непосредственно после речи Делонэ в заседании Законодательного Собрания 6 ноября выступил видный жирондистский вождь Испар и слова его как небо от земли отличались от того, что лишь за несколько дней до того говорили Дюко и Жансонне.

«Вот к чему приводит безнаказанность»,—начал свою речь Испар.—«Она всегда является источником величайших преступлений; сегодня же она составляет единственную причину той социальной дезорганизации, в которую ввергнуто королевство.

¹⁾ Де-ла Горс,—т. II, стр. 26—27.

²⁾ А. Р., XXXIV, стр. 619.

А мы в это время, господа, придерживаемся какой-то системы терпимости и мягкости, может быть и пригодной в спокойные времена, но сейчас, во всяком случае, справедливо осуждаемой народом. Как, терпимость в отношении тех, кто не хочет терпеть ни наших законов, ни нашей конституции! Терпимость в отношении тех, кто с пламенем фанатизма в руках, поднимают все наше государство! Нет, господа, лишь тогда, когда трупы наших братьев возопиют о мщении, когда реки французской крови окрасят собой морские волны,—лишь тогда вы поймете, насколько ваша мягкость является преступной. Настала пора, чтобы гордость алтаря, подобно гордости диадемы, преклонилась перед скипетром народного суверенитета¹⁾.

Но из этого вступления Испара было бы глубоко ошибочным вывести, что теперь жирондисты присоединились к требованию монтаньяров об издании репрессивного закона против всех неприсяжных священников, как таковых. 6 ноября эволюция позиции жирондистов по этому вопросу еще только начиналась и поэтому начало речи Испара может быть уподоблено той горе из пословицы, которая родила мышь: речь Испара заканчивалась всего только предложением поручить исполнительной власти (т.-е. Людовику XVI и его министрам) принять меры для прекращения контрреволюционной деятельности церковников!

Само собой разумеется, что подобное предложение Испара не могло удовлетворить монтаньяров и выступившие вслед за ним их представители предложили арестовать всех неприсяжных священников или, по меньшей мере, подвергнуть их изгнанию. Но предложения эти не были, конечно, приняты и заседание 6 ноября закончилось одобрением предложения Испара и поручением законодательному комитету представить его доклад о неприсяжных священниках в ближайший вторник, т.-е. 8 ноября. Но доклад этот задержался и еще до его представления Законодательное Собрание в своем заседании 11 ноября узнало из донесения директории департамента Кальвадоса о новых волнениях на почве агитации неприсяжных священников, произошедших на этот раз в городе Кане 4 и 5 ноября²⁾.

Еще за некоторое время до этого, проживавшие в Кане многочисленные дворяне и их слуги стали пользоваться отслуживаемыми неприсяжными священниками мессами в качестве повода для контрреволюционных манифестаций. 4 и 5 ноября в Кане имела место подавленная местной национальной гвардией попытка восстания и при произведенных после этого многочисленных арестах были найдены документы, не оставлявшие никакого сомнения в том, что речь шла не более и не менее, как о начале широкого контрреволюционного восстания, долженствовавшего охватить как самый Кан, так и соседний город Байе. В силу этого директория департамента Кальвадос сочла себя вынужденной за свой собственный страх и риск ополчиться на борьбу с неприсяжными священниками и изданным ею обязательным постановлением этим последним было запрещено служить мессу в какой бы то ни было церкви города Кана.

Если эти события не могли не иметь своим следствием даль-

¹⁾ А. Р., т. XXXIV, стр. 663.

²⁾ Текст этого донесения см. А. Р., т. XXXV, стр. 6—8.

шего изменения позиции жирондистов, то совершенно иначе зато обстояло дело с законодательным комитетом Легислативы, в котором в это время господствовали правые. Это с полной несомненностью явствует из доклада, представленного, наконец, этим комитетом Законодательному Собранию в его заседании 12 ноября.

С докладом от имени законодательного комитета выступил Вейриэ, начавший с общей картины контрреволюционной деятельности неприсяжного духовенства:

«Нет таких средств, которыми бы не пользовались священники—возмутители для того, чтобы, если это окажется возможным, ниспрoverгнуть ту конституцию, которую мы поклялись защищать. Коварные инсинуации, зловещие действия, мятежные речи, возмутительные сочинения, клевета на закон, избавивший нас от порабощения; домашние раздоры, оскорблении, которым подвергаются установленные власти; отказ незамещенных еще неприсяжных священников допускать к таинствам тех лиц, которые приобрели национальные имущества; союз этих священников с бывшими дворянами: различные бунты при введении в должность приходских священников, склонных к евангелической чистоте; кровавые обиды, наносимые им у самого подножья алтаря; сборища, устраиваемые у церквей для того, чтобы мешать богослужению; толпы сбитых с толку и мятежных женщин; изгнание, преследование, убийства приходских священников; наконец, ожесточение граждан, которым внушается фанатическая ненависть и которые готовы перерезать друг друга,—вот, господа, кратко набросанный очерк тех зол, которые удручают часть французского государства¹⁾.

Казалось бы, что выводы из этих слов вытекают сами собой, но на самом деле выводы Вейриэ оказались весьма далеки от того, чего можно было ожидать, судя по его вступлению.

«Каковы же средства, пригодные для избавления от этого зла? После того, что я вам, господа, сказал, нахождение их не может быть трудным. Ваш комитет раскрыл вам обширный политический заговор, подготавливаемый этими непокорными священниками. Он показал вам все его нити и если бы эта гнусная лига состояла из одних только преступников, ваш комитет поспешили бы вам заявить: «Энергичные защитники счастья нации, не вооружайтесь против заговорщиков через зору медленно действующим мечом правосудия. Для излечения острых болезней необходимы быстро действующие средства. Вырвите без всякого промедления эти ядовитые растения и пусть великое средство, вроде их вечного изгнания в отдаленные местности вернет, наконец, взбаломоченному обществу его счастье и его спокойствие!».

«Но является ли это предложенное вам средство справедливым, ибо если оно не справедливо, то достойно ли оно законодателей?

«Нет, господа, средство это несправедливо; скажем более, оно было бы тираническим и спасение народа, являющееся высшим

¹⁾ Там-же, стр. 42.

Средство это не только несправедливо, так как оно смешивает в одну кучу правых и виноватых, но оно, по мнению Вейриэ еще сверх того и тактически нецелесообразно. «Мы утверждаем, господа, что эта столь же неосторожная, сколь и несправедливая мера, озлобила бы все сердца, вызвала бы всеобщее недоводование, и тем самым, усилила бы кадры заговорщиков, увеличила бы их силу и поставила бы родину и конституцию в величайшую опасность»²⁾.

В полном соответствии с этими принципами, предложенный Вейриэ от имени законодательного комитета проект декрета ограничивался тем, что, начиная с 1 января 1792 г. лишал не-присяжных священников прichtenющей им пенсии. Кроме того, лицам, под предлогом религии призывающим к неповиновению законам с тем, что в случае, если следствием этих призывов явилось бы возникновение беспорядков, виновные должны были сверх того отвечать согласно соответствующих статей уголовного кодекса.

Обсуждение проекта Вейриэ началось в заседании 14 ноября. Первым выступил Испар и произнесенная им речь показывает, насколько далеко за интакцию с 6 ноября неделю подвинулся вперед еще начавшийся процесс изменения взглядов жирондистов по данному вопросу.

«Господа,—начал Испар,—служители бога нарушают спокойствие родины. Можем и должны ли мы издать специальный закон, чтобы устранить эти бедствия, и каким должен быть этот закон? Вот в чем сущность вопроса.

«Многие светлые умы полагают, что мы не должны издавать закона по этому поводу и выдвигаемые ими в защиту этого тезиса аргументы заключаются в следующем:

«Одно из двух, говорят они: священник либо еретик, либо бунтовщик. Если он еретик, вы не можете издать против него закона, ибо у нас установлена свобода культов и религиозных убеждений. Если же он бунтовщик, то по этому поводу существуют уже законы, касающиеся всех граждан. Поэтому, у вас нет необходимости декретировать чего-либо нового, а следует только заставить исполнять существующие законы.

«Диллема эта, нужно признаться, чрезвычайно убедительна и так как до сих пор ее никто не опроверг, то я постараюсь доказать, в чем заключается ее ошибочность.

«Я, прежде всего, устанавливаю, что всякий нарушающий общественный порядок служитель религиозного культа не может быть рассматриваем, как обыкновенный бунтовщик и что закон, чтобы быть мудрым и справедливым, должен наказывать его тем более строго, что его сан представляет ему многочисленные и серьезные возможности влиять на народ и вводить его в заблуждение. Религия является инструментом, позволяющим воздействовать на людей по свое-

¹⁾ Там-же, стр. 43.

²⁾ Там-же, стр. 43.

му усмотрению и поэтому пользующиеся ею для того, чтобы сеять раздор, должны подвергаться наказанию, пропорциональному степени опасности употребляемого ими оружия. Если принципы эти справедливы, то из этого вытекает, что мы можем и даже обязаны издать специальный репрессивный закон против служителей бога, нарушающих спокойствие людей.

«Каков же должен быть этот закон? Это последний пунктстоящего перед нами вопроса.

«Я утверждаю, господа, что для этого рода преступлений подходит лишь один закон, а именно изгнание из королевства священника-возмутителя. Это средство было применено против иезуитов и иезуитов забыли; только изгнанием вы можете прекратить заразительное влияние виновного, которого нужно отделить от его прозелитов; ибо, если наказывая его каким-либо иным способом, вы оставите ему возможность проповедывать, служить мессу и исповедывать (а вы не можете лишить его этой возможности, если он останется в королевстве), то он, будучи наказан, причинит вам больше вреда, чем если он будет оправдан. Я смотрю на священников-возмутителей, как на зачумленных, которых следует отправить в испанские и итальянские лазареты...

«... Виновные священники должны быть наказаны. Всякие средства, клонящиеся к примирению, отныне бесполезны, и я спрашиваю, к чему же привело в действительности такое количество неоднократных помилований? Наша снисходительность усилила дерзость наших врагов; итак, следует изменить систему и начать применять, наконец, строгие меры. Пусть мне не говорят, что нельзя одолеть фанатизм и что мы этим путем лишь удвоим его силу. Это чудовище уже не является тем, чем оно было раньше; оно не может долго жить в атмосфере свободы; уже раненое философией, оно окажет лишь слабое сопротивление. Сократим же его опасную и судорожную агонию, умертвив его мечом закона. Ессленная будет рукоплескать нам при этой великой казни, потому что во все времена и у всех народов фанатические священники являлись бичом общества и убийцами человеческого рода; все страницы истории запятнаны их преступлениями; они повсюду ослепляют легковерный народ, они мучают невинность страхом и слишком часто продают преступникам то небо, которое бог дарует лишь добродетельным»¹⁾.

Само собой разумеется, что этот грозный обвинительный акт по адресу контрреволюционного духовенства, столь диаметрально противоположный по своему тону всему тому, что говорилось до сих пор по вопросам религии с трибуны как Учредительного, так и Законодательного Собраний, знаменует собой важный переломный момент в истории религиозной политики французской крупной буржуазии или, по крайней мере, той про-жирондистов. Речь Испара не оставляет никакого сомнения в том, что в этот момент жирондисты, наконец, поняли, что дальнейшая политика уступок и соглашательства в отношении контр-

¹⁾ А. Р., т. XXXV, стр. 66—67,

революционного духовенства, поставив все завоевания революции на край гибели и следствием этого явился перелом их тактики.

Выступление Испара было встречено громовыми аплодисментами всего левого крыла Легислативы. Такими же аплодисментами были встречены и предложенные им принципы, дозволившие лежь в основу декрета Законодательного Собрания по вопросу о неприсяжных священниках. Вот эти принципы:

«Упразднение содержания и пенсий всем служителям какого бы то ни было религиозного культа, отказывающимся принести гражданскую присягу. Изгнание из общества, т.-е. из пределов Франции, тех служителей культа, которые будут пытаться исполнять в пределах королевства религиозные обряды их культа, не принеся предварительной гражданской присяги. Эти функции представляют столь широкие возможности волновать общество, что является совершенно справедливым, чтобы всякий, желающий их исполнять, дал обещание подчиняться законам и подписал бы общественный договор.

«Изгнание из пределов королевства всякого служителя культа, который, принеся присягу, будет уличен в том, что он посредством своих писаний, своих слов или своих действий, нарушил общественный порядок.

«Установление в каждом департаменте суда присяжных, рассматривающего соответствующие обвинения. В случае признания их правильными, судья будет приговаривать виновного к изгнанию.

«Смертная казнь в отношении всех, кому это наказание грозит согласно уголовному кодексу»¹⁾.

Как речь, так и практические предложения Испара были встречены вполне понятным негодованием правой части Легислативы. Один из депутатов воскликнул, что речь Испара должна быть послана Марату, а епископ Лекоз заявил, что выступление Испара противоречит самим священным принципам религиозной и общественной морали. При таких условиях неудивительно, что внесенное левым крылом Собрания предложение о напечатании речи Испара было отклонено большинством голосов, хотя большинство это не было, повидимому, значительным. Что же касается до проекта Вейриэ, то его было решено возвратить для нового рассмотрения в законодательный комитет, который должен был быть разбит на четыре секции, каждая из коих имела представить самостоятельный доклад.

Во исполнение этого постановления, законодательный комитет представил 16 ноября Законодательному Собранию четвертый проект, первым из которых Собрание решило обсуждать проект третьей секции, оглашенный Франсуа де-Невшато. Согласно этого проекта, все неприсяжные священники, помимо лишения пенсии, обявлялись «подозрительными в неповиновении закону и злостных намерениях в отношении к родине», в силу чего подлежали специальному надзору местных властей (ст. 5). Если в какой-нибудь коммуне возникли волнения на религиозной почве, дирекция соответствующего департамента имела право выслать из мест их постоянного жительства всех проживавших

в пределах данной коммуны неприсяжных священников (ст. 6). Неподчинившиеся такому распоряжению священники подлежали заключению в тюрьме сроком на один год (ст. 7).

Прения по проекту Франсуа де-Невшато начались в том же заседании 16 ноября и продолжались с перерывами до 29-го. Отметим важнейшие этапы этих прений.

При обсуждении ст. 5 проекта Невшато, жирондист Жан Дебри указал, что статья эта является недостаточной и предложил заменить ее изгнанием всех неприсяжных священников, отказывающихся дать специальное обязательство о подчинении существующим законам. Напротив того, правый депутат Торрильон доказывал, что статья 5 является тиранической и антиконституционной и предлагал ее отвергнуть. Большинство Собрания не согласилось, однако, ни с тем, ни с другим оратором и приняло статью в ее прежнем виде.

При рассмотрении статьи 6 монтаньяр Кутон и жирондист Вернио предложили изменить то место этой статьи, где говорилось, что директории департаментов будут иметь право высылки неприсяжных священников. Кутон предлагал установить обязанность неприсяжных священников удаляться в этом случае самим, а Вернио считал более целесообразным говорить не о праве, а об обязанности муниципалитетов. Но и на этот раз Собрание не согласилось с оппонентами и приняло статью в предложенном Невшато виде.

Довольно жаркие прения имели место при рассмотрении ст. 7 проекта Невшато, гласившей, что неподчиняющиеся приказу о высылке священники подлежат тюремному заключению сроком на один год. Первым против этого предложения выступил Испар.

«Я предлагаю,—заявил он,—внести в эту статью поправку, согласно коей годичное заключение в тюрьме должно быть заменено двумя годами изгнания. Если вы положите большое расстояние между возмутителем и обрабатываемым им народом, то последний скоро забудет об изгнанном церковнике. Напротив того, оставляя этих священников внутри государства, вы будете держать их все время на глазах у фанатизированного ими населения, которое будет рассматривать их тюремное заключение, как начало мученичества»¹⁾.

Предложение Испара было поддержано монтаньяром Дюгемом, полагавшим, что «если мы заключим фанатичных священников в тюрьмы, то тюрьмы эти станут объектом патомничества единомышленников». В таком же духе высказался монтаньяр Альбитт, но Законодательное Собрание согласилось с Невшато, заявившим, что «предложение о замене тюрьмы изгнанием является преждевременным и отклонило поправку Испара.

29 ноября прения были закончены и Законодательное Собрание приняло проект Невшато без каких-либо существенных изменений. Вот текст важнейших статей этого декрета, которые мы приводим полностью:

«Национальное Собрание, заслушав доклад гражданских комиссаров, посланных в департамент Вандеи, петиции большого числа граждан и доклад комитета гражданского и уголовного за-

¹⁾ Там-же, стр. 141.

кононодательства относительно смут, возбуждаемых врагами общественного блага под предлогом религии в нескольких департаментах королевства;

«принимая во внимание, что общественный договор должен связывать всех членов государства и одинаково покровительствовать им;

«что важно недвусмысленно формулировать это обязательство для того, чтобы неясность в словах не могла вызвать неясности в мыслях, что чисто гражданская присяга является ручательством, которое должен представить каждый гражданин относительно своей верности закону и своей преданности обществу и что различие религиозных убеждений не может служить препятствием для принесения присяги, так как конституция обеспечивает каждому гражданину полную свободу его религиозных убеждений, лишь бы только «их выражение не нарушило порядка» или не вызывало бы «действий, противных общественной безопасности»;

«что служитель какого-либо культа, отказывающийся признать конституционный акт, который разрешает ему выражать свои религиозные взгляды и лишь обязывает его уважать «порядок, установленный законом» и «общественную безопасность», выразил бы этим самым отказом, что он намерен не уважать их; что не желая признавать закон, он добровольно отказался бы от тех выгод, которые может ему гарантировать только закон;

«что Национальное Собрание, которому необходимо заняться важными делами, привлекающими его внимание, для упрочения кредита и финансовой системы, к сожалению, оказалось вынужденным, прежде всего, обратить внимание на беспорядки, клонящиеся к расстройству всех общественных дел, препятствуя быстрой раскладке податей и их мирному взиманию;

«что, восходя к источнику этих беспорядков, оно слышало от всех просвещенных граждан государства единогласное выражение той великой истины, что религия служит для врагов конституции лишь предлогом, которым они злоупотребляют, и орудием, коим они осмеливаются пользоваться для того, чтобы во имя неба устраивать смуты на земле;

«что их таинственные преступления легко ускользают от обычновенных мер, не затрагивающих тех тайных церемоний, которыми прикрываются их заговоры и благодаря которым они незримо господствуют над совестью людей;

«что пора, наконец, рассеять этот мрак для того, чтобы можно было отличать мирного и искреннего гражданина от буйного священника и злоумышленника, сожалеющего о прежних злоупотреблениях и неспособного простить революции их уничтожения;

«что эти мотивы настоятельно требуют, чтобы законодательный корпус принял важные политические меры для укroщения мятежников, прикрывающих свой заговор священным покровом;

«что действительность этих новых мер в значительной степени зависит от патриотизма, благородства и твердости муниципалитетов и администрации и от той энергии, которую они могут внушить всем прочим установленным властям;

«что в особенности административные власти в департаментах могут оказать при таких обстоятельствах величайшую услугу нации и прославиться, стараясь оправдать доверие Национального Собрания, которое всегда будет с удовольствием отменять их услуги, но которое в то же время будет строго наказывать тех должностных лиц, нерадивость которых при выполнении закона походила бы на молчаливое повторство врагам конституции;

«что, наконец, благодаря успехам здравого смысла и хороших руководимого общественного мнения, закон во всяком случае окончательно восторжествует, и деревенские жители поймут своеокрыстное вероломство лиц, желающих уверить их в том, что законодатели Учредительного Собрания затронули религию их отцов и что, к чести Франции, в нынешнем веке просвещения, удается избежать повторения тех ужасных сцен, которыми существоует к несчастью, слишком запятнано ее историю в те века, когда правительство пользовалось в своих выгодах народным невежеством;

«Национальное Собрание, признав вопрос спешным, декретирует нижеследующее:

«Ст. 1. В течение недели со дня обнародования настоящего декрета, все духовные лица, кроме тех, которые сообразовались с декретом 27 ноября прошлого года, обязаны явиться в муниципалитет, которому подведомствена та местность, в которой они живут, принести там гражданскую присягу в форме, установленной ст. 5 раздела II конституции и подписать удостоверяющий этот протокол, который будет составляться бесплатно.

«Ст. 2. По истечении вышеуказанного срока каждый муниципалитет доставит директории департамента через посредство дистрикта список духовных лиц, проживающих в подведомственном ему участке, отличая тех, которые принесут гражданскую присягу от тех, которые откажутся это сделать. Эти списки послужат для составления перечней, о которых говорится ниже.

«Ст. 3. Те из священнослужителей католического вероисповедания, которые подали пример повиновения законам и привязанности к своему отечеству, принеся гражданскую присягу согласно формуле, предписанной декретом 27 ноября 1790 г. и не отреклись от этой присяги, освобождаются от всяких новых формальностей. За ними неизменно сохраняются все права, предоставленные им прежними декретами.

«Ст. 4. Что касается остальных духовных лиц, то отныне ни один из них не может получать, требовать выдачи или просить пенсии или жалования из казначейства, не представляя доказательства принесения им гражданской присяги согласно вышеуказанной ст. 1. Казначеи, производящие уплаты вопреки постановлениям настоящего декрета, будут присуждаться к возвращению уплаченных сумм и лицензии занимаемой должности.

«Ст. 5. Ежегодно из тех пенсий, которых духовные лица будут лишены вследствие их отказа от принесения присяги или отречения от таковой, будет составляться особый капитал. Этот капитал будет распределяться между 83 департаментами для расходования генеральными советами коммун либо на благотвори-

тельные работы для здоровых неимущих, либо для пособий неимущим, неспособным к труду.

«Ст. 6. Кроме лишения всякого жалования и пенсий, те духовные лица, которые откажутся принести гражданскую присягу или, принеся ее, откажутся от таковой, будут вследствие этого отказа или этого отречения считаться подозреваемыми в возмущении против закона и в дурных намерениях против отечества и как таковые, будут отданы под надзор установленных властей, которые будут обращать на них особое внимание.

«Ст. 7. В силу этого, всякое духовное лицо, отказавшееся принести гражданскую присягу или отрекшееся от нее после ее принесения, которое окажется в общине, где произойдут беспорядки, причиной которых или предлогом для которых являются религиозные убеждения, может быть, по постановлению директории департамента, согласованному с директорией дистрикта, выслано из своего обычного места жительства, причем, это не исключает предания его суду, смотря по важности дела.

«Ст. 8. В случае неподчинения постановлению директории департамента, против нарушителей этого постановления будут возбуждаться судебные преследования и они будут наказываться тюремным заключением в главном городе департамента. Продолжительность этого заключения не может превышать одного года.

«Ст. 9. Всякое духовное лицо, уличенное в том, что оно вызвало неповинование закону и установленным властям, будет наказано двумя годами тюремного заключения.

«Ст. 10. Если по поводу религиозных смут в какой-нибудь общине возникнут мятежи, требующие передвижения вооруженной силы, то расходы на это, произведенные из сумм, выданных вперед казначеством, будут возложены на граждан, проживающих в общине, с предоставлением им права взыскивать убытки с руководителей, зачинщиков и соучастников мятежей.

«Ст. 11. Если учреждения и лица, на которых возложено выполнение общественных функций, по небрежности не применият средств, предоставляемых им законом для предотвращения или подавления этих мятежей, или, если они откажутся применять такие средства, то они будут лично ответственны за это, против них будет возбуждено преследование и они будут преданы суду и наказаны согласно закону 3 августа 1791 г.

«Ст. 12. Церкви и здания, служащие для культа, расходы на который уплачиваются государством, не могут служить для какого-либо иного культа. Принаследлежащие нации церкви и часовни, признанные администра-

цией ненужными для отправления культа, расходы на который уплачиваются нацией, могут быть покупаемы или нанимаемы гражданами, придерживающимися какого-либо иного культа, для публичного отправления в них этого культа под надзором полиции и администрации; но это право не может распространяться на духовных лиц, которые откажутся от принесения гражданской присяги, требуемой ст. 1 этого декрета, или которые бы от нее отреклись и которые, вследствие этого отказа или этого отречения, об'явлены согласно ст. 6 подозреваемыми в возмущении против закона и дурных намерениях против отечества» (Курсив наш. Я. М.)¹⁾.

Дальнейшие ст.ст. 13—17 декрета 29 ноября 1791 г. носят чисто технический характер и интереса не представляют. Занимают заключительные статьи 18 и 19:

«Ст. 18. Так как особенно важно разъяснить народу расставляемую ему под предлогом якобы религиозных убеждений ловушку, Национальное Собрание призывает все светлые умы возобновить свою деятельность и умножить свои старания для борьбы с фанатизмом. Оно об'являет, что оно признает общественным благодеянием все доступные для жителей деревень работы по этому важнейшему вопросу, которые ему будут представлены. По заслушании доклада об этих работах, оно напечатает и распространит их на казенный счет и вознаградит их авторов.

«Ст. 19. Настоящий декрет будет представлен на королевскую санкцию в течение дня»²⁾.

Даже беглый просмотр декрета 27 ноября показывает, что декрет этот представлял собой ничто иное, как компромисс между всеми высказанными во время прений точками зрения. В самом деле, в противоположность тому, что утверждала правая часть Конституанты, указывавшая, что для борьбы с контр-революционными происками неприсяжного духовенства нет надобности в издании специального репрессивного закона против такового, декрет 29 ноября означал именно такой специальный репрессивный закон. Но с другой стороны репрессия эта шла не настолько далеко, насколько того требовала вся левая часть Легислативы, не исключая в последнее время и жирондистов и с этой стороны умеренное крыло Собрания могло рассматривать декрет 29 ноября, как свою несомненную победу.

Но помимо своей репрессивной части, декрет 29 ноября содержал в себе и другую, вносившую довольно существенные изменения в существовавшее до того времени положение католической церкви и на части этой необходимо поэтому также остановиться. Мы разумеем во-первых изменение характера требуемой от церковников присяги и, во-вторых, молчаливо подразумеваемую декретом 29 ноября отмену закона 7 мая 1791 г.

«Что касается первого вопроса, то в противоположность декрету 27 ноября 1790 г. и акту о гражданском устройстве духовен-

¹⁾ А. Р., т. XXXV, стр. 435—437.

²⁾ Там-же, стр. 437.

ства, требовавшим присяги только от церковников - должностных лиц, декрет 29 ноября 1791 г. распространял это требование на всех без исключения церковников. Но, расширяя таким образом круг подлежащих присяге субъектов, декрет 29 ноября вместе с тем сужал объект самой присяги. В самом деле — ст. 21 и 38 раздела II закона 12 июля 1790 г. о гражданском устройстве духовенства требовали от церковников-должностных лиц присяги на верность нации, закону и королю и всяческое содействие поддержанию принятой Учредительным Собранием и санкционированной королем конституции¹). Но, как известно, в это время еще предполагалось, что закон о гражданском устройстве духовенства войдет в эту конституцию в качестве одной из ее составных частей и таким образом выходило, что присяга на верность конституции тем самым предполагала и присягу на верность закону о гражданском устройстве духовенства. Именно таким образом понимали в то время значение этой присяги и мы уже знаем, что отказ неприсяжных священников сообразоваться с декретом 27 ноября 1790 г. мотивировался ими именно тем, что закон о гражданском устройстве духовенства противоречит нормам канонического права.

Это положение вещей кардинально изменилось, когда Учредительное Собрание в конце своей деятельности решило не включать положение о гражданском устройстве духовенства в текст окончательно одобренной им конституции. А так как ст. 1 декрета 29 ноября 1791 г. требовала от церковников лишь принесения общей гражданской присяги, предусмотренной ст. 5 раздела II конституции 1791 г., в которой говорилось лишь о послушании этой конституции²), то таким образом получалось, что согласно закона 29 ноября 1791 г. церковники отнюдь не обязаны присягать на верность декрету о гражданском устройстве духовенства, не вошедшему в состав конституции 1791 г..

Этим тонким юридическим отличием предусмотренной декретом 29 ноября 1791 г. присяги от той присяги, которая подразумевалась в декрете 27 ноября 1790 г. и обясняется наличие в декрете 29 ноября 1791 г. статьи 3, согласно коей церковники, уже присягнувшие согласно декрета 27 ноября 1790 г., освобождались теперь от присяги, предусмотренной ст. 1 нового декрета. Именно так мотивировал этот пункт в своем докладе Франсуа де Невшато.

«На первый взгляд может показаться, что текст ст. 1 делает члененным особое указание в ст. 3 на освобождение от присяги тех лиц, которые уже присягнули. Но так как в глазах некоторых людей эти две присяги не являются однородными, и так как целью настоящего декрета является заменить, в целях общественного успокоения, требуемую декретом 27 ноября и возбудившую столько споров в среде Учредительного Собрания временную присягу присягой гражданской,—мы полагали, что одно только голое требование принесения гражданской присяги теми церковниками, которые первой присяги не принесли, может оставить у некоторых муниципалитетов или администраций сомнения относительно церковников, давших при трудных обстоятельствах несомненное доказательство своей преданности законам и родине. Кроме того,

¹⁾ Там-же, т. XVII, стр. 58.

²⁾ Там-же, т. XXXII, стр. 527.

Комитет полагал, что показанный этими хорошими патриотами пример накладывает на нас обязательство еще раз напомнить о взятом на себя в их отношении Национальным Собранием обязательстве, в силу чего всякое молчание по данному поводу было бы равносильным неблагодарности. Таким образом об этом можно должно сказать, хотя бы сама по себе ст. 3 и представлялась излишней¹⁾.

Мы остановились столь подробно на этом сравнительно второстепенном вопросе потому, что без этого нельзя понять истории появления в декрете 29 ноября 1791 статьи 12, практически означавшей ничто иное, как полную отмену закона 7 мая 1791 г. В первоначальном проекте декрета, представленном Легислативе Франсуа де Невшато, не содержалось ни этой статьи, ни вообще каких бы то ни было пунктов, затрагивавших вопрос о праве неприсяжных священников на совершение церковной службы. Но во время прений, депутат Альбитт предложил, упразднив установленное законом 7 мая право неприсяжных священников на отправление мессы в государственных церквах, закрепить вместе с тем провозглашенное за ними этим же законом право совершения церковной службы в церквах частных. Вот что гласил предложенный им по этому поводу проект статьи:

«Церкви или здания, принадлежащие нации, не могут быть бесплатно использованы для нужд какого-либо иного культа, кроме того, который содержится за счет нации. Однако, всякая религиозная ассоциация может покупать те из вышеупомянутых церквей, которые не служат для вышеуказанного культа, чтобы публично совершать в них свое богослужение, под надзором установленных властей, сообразуясь с законами полиции и общественного порядка»²⁾.

Первая часть предложения Альбитта не вызвала в Законодательном Собрании никаких возражений, ибо об'являя неприсяжных священников подозрительными по контрреволюции (ст. 6 декрета), было бы довольно оригинально предоставлять вместе с тем к их услугам содержимые государством церкви! Что же касается до второй части предложенной Альбиттом статьи, то за нее высказались ряд депутатов и, между прочим, жирондист Гюаде, который заявил:

«Мы не должны скрывать от себя, что французские граждане разделены в своих религиозных воззрениях. Бывшие римские католики стремятся в настоящее время отправлять в деревнях свой собственный культив и я обращаю на это обстоятельство специальное внимание всех тех, кто меня слушает. В сельских местностях существует значительное количество добрых, хотя и простых легковерных земледельцев, которые честно убеждены, что спасение их души зависит от соблюдения культа, который они считают отличным от нашего. Совершенно очевидно, что мы можем пойти лишь по двум путям: либо запретить им отправление их культа, либо предоставить таковому полную свободу»³⁾.

Из этих двух возможных путей Гюаде решительно высказываеться за второй, по его мнению единственно согласный с прин-

¹⁾ Там-же, т. XXXV, стр. стр. 109.

²⁾ Там-же, стр. 365.

³⁾ Там же, стр. 367—368.

ципом свободы религиозных убеждений. «Я хорошо знаю,—говорил он,—что во многих департаментах и в частности в моем, злонамеренные граждане злоупотребляют религиозной свободой для того, чтобы под предлогом отправления религиозного культа, собирать граждан в частных зданиях. Я знаю, что корифеи этой партии были в прежние времена знамениты своим безбожием и нерелигиозностью; но я знаю также, что закон должен стоять выше всех возможных культов и одинаково защищать их и покровительствовать им».

Блестящий ответ на эту теорию дал в своем заключительном слове Франсуа де Невшато. Он начал с указания на то, что поскольку новый закон требует от церковников лишь гражданской присяги, а вовсе не подчинения закону о гражданском устройстве духовенства, отказывающиеся дать таковую являются уже не церковными раскольниками, а политическими врагами нового режима. «Вы настолько позаботились об их придирчивой совести, что согласились заменить установленную для церковников декретом 27 ноября 1790 г. присягу—присягой гражданской. Таким образом теперь вы требуете обязательства благонадежности уже не от священников, но от граждан. И если они отказываются дать такое, то каковы могут быть их мотивы? Нет, господа, мотивами их являются ни их религиозные убеждения, ни веления их совести, ни пункты теологии, ни вопросы веры; их единственным мотивом является ненависть к французской конституции...

«...Я спрашиваю, можно ли призывать к терпимости по отношению к таким мнениям, которые являются не богословскими взглядами, а, очевидно, причинами смут, мотивами мятежа, зачатками раздора и междуусобной войны? Я спрашиваю, является ли жестокостью, является ли преследованием со стороны законочатаеля, если он, желая предотвратить эти смуты, требует от священников, подозреваемых в том, что они придерживаются системы, столь вредной для общественного порядка, гражданской присяги? Я спрашиваю, можно ли предоставить лицам, отказывающимся подчиниться этому требованию, возможность отправлять мнимый особый культа, на самом деле отличающийся от культа, оплачиваемого государством лишь в том отношении, что служители этого последнего выказали себя гражданами и своим патриотизмом способствовали революции, давшей нам свободу и равноправие?

«Господа, я резюмирую все сказанное мной. Церковь находится в государстве, но государство не находится в церкви. Вы не сделаете ошибки, заключающейся в том, чтобы допустить государство в государстве; вы не подчините всего общества, великой семьи, державного народа, интересы которого вам доверены, честолюбию и жадности нескольких индивидуумов. Вы скажете этим индивидуумам, что если они добросовестны, то они не должны отказываться представить доказательства этого; что если их церковь желает быть допущенной в государстве, то ей следует подчиняться законам государства; ее служителям следует присягнуть на повинсение и верность государству»¹⁾.

Речь Франсуа де Невшато была встречена громомapplaudis-

ментов и Законодательное Собрание постановило напечатать ее текст и разослать его по всем 83 департаментам. Что же касается предложения Альбитта, то Собрание по совету Невшато принял его, но с тем кардинальным добавлением, что право отдельных групп граждан на содержание за свой счет собственных частных церквей не распространяется на сторонников неприсяжных священников. Таким образом, наряду с неприсяжными санкциями по адресу неприсяжных священников, карательный декрет 29 ноября 1791 г. отменял декрет 7 мая того же года и запрещал им отправление службы как в государственных, так и в частных церквах. Тем самым сторонники неприсяжных священников лишались всех прав, предоставленных сторонникам всех остальных религиозных культов; более того, со времени декрета 29 ноября 1791 г. самое понятие особого неприсяжного культа отпадало, а неприсяжные священники рассматривались теперь уже не как церковные раскольники, а как политические бунтовщики.

IV.

Компромиссный декрет 29 ноября встретил, как и подобает компромиссу, критику с обоих сторон. Примером критики слева может служить статья, напечатанная в № 124 «Парижских революций» от 19—26 ноября. Приведем из нее несколько выдержек.

Одобряя начало мотивированной части декрета, газета выражает однако сожаление, «что это достойное вступление приводит на практике лишь к требованию присяги и прощению всех неприсяжных священников, произнесших требуемое от них «да». А между тем от подобных людей нужно было бы требовать гарантии, большей, нежели это однозначное слово, породившее уже столько клятвопреступников и облегчившее столько заговоров».

Особенно сильное негодование «Парижских революций» вызывает замена установленной декретом 27 ноября 1790 г. присяги—присягой гражданской. «Итак,—восклицает газета,—первая же из провозглашенных в вступлении к декрету великих политических мер, сводится к движению назад, подтверждаемому уже в первой статье положительной части. Мы не хотим этим сказать, что считаем неправильным отказ Законодательного Собрания от декретированный Учредительным Собранием присяги гражданскому устройству духовенства; но злонамеренные неприсяжные священники примут этот акт предосторожности за проявление соглашательства, слабости и страха».

«Парижские революции» считают крайне нецелесообразным изъятие из списка подозрительных тех неприсяжных священников, которые, отказавшись от принесения установленной декретом 27 ноября 1790 г. присяги, присягнут согласно ст. 1 декрета 29 ноября 1791 г. «Злонамеренные священники поторопятся принести присягу, которая даст им безопасность и помешает вспомнить о них в минуту возможных беспорядков. Укрепив свое положение, они будут устраивать заговоры под прикрытием принесенной ими присяги; тщательно соблюдая необходимый декорум, они получат возможность остаться совершенно безнаказанными. Если они не слишком будут выставлять себя на вид, три произнесенных ими перед муниципалитетом слова будут иметь чудодейственную силу отвращать от них все подозрения. «Он принес

¹⁾ Там же, стр. 429—431.

присягу»—как же можно после этого иметь какие либо подозрения? Выводы из этого ясны—присяга послужит волкам овечьей шкурой. А ведь между тем наблюдение установленных властей должно было бы быть наиболее тщательным как раз в отношении недавно присягнувших священников».

Но значительно сильнее, нежели эта критика слева, оказались, как этого и следовало ожидать, нападки, посыпавшиеся на декрет 29 ноября 1791 г. справа, причем большинство их лишь повторяли соображения, уже высказанные правой частью Законодательного Собрания во время прений, предшествовавших принятию этого декрета. В этом смысле чрезвычайно типична статья знаменитого поэта фельянтина—Андрэ Шенье, напечатанная в № 295 «Монитера» от 22 октября, т.е. тогда, когда декрет еще только обсуждался:

«Священники не волнуют государства, которые их не трогают и, напротив, всегда вносят беспорядок в государства, которые, безразлично в какой форме, их затрагивают... Говорят, что новых священников никто не слушает, а на проповеди их противников отправляются целые толпы. Но я спрашиваю, какое дело нации, а следовательно и ее представителям, до того, соответствует ли этот слух истине или нет... Говорят еще, что так как многие граждане упорно обращаются к неприсяжным священникам по поводу всех гражданских актов, для составления коих необходимо участие духовенства, то из этого возникает много неудобств как для всего общества, так и для отдельных семей. Но это действительно серьезное неудобство доказывает лишь, насколькоспешной является необходимость издания закона, устраняющего духовенство от ведения актов гражданского состояния.

«Все сказанное таким образом отнюдь не опровергает того обстоятельства, что обращение внимания на раздоры церковников может только усилить таковые. И наоборот, раздоры эти прекратятся, когда на них перестанут обращать внимание. Долгом Национального Собрания является не принимать в этих раздорах участия, а задушить их своим равнодушием».

Но как бы ни оценивали слева или справа те или иные стороны декрета 29 ноября, декрет этот был совершившимся фактом и теперь речь могла идти лишь о том, получит ли он необходимую в силу конституции королевскую санкцию или нет. Неудивительно, что со стороны правых кругов французской общественности и в особенности со стороны неприсяжного духовенства, на Людовика XVI посыпался целый град петиций, умолявших его применить свое право вето и отказать принятому Законодательным Собранием декрету в утверждении. «По какому праву,—писали королю неприсяжные священники города Парижа,—Собрание хочет заставить присягать даже клириков, не являющихся должностными лицами? По какому праву оно хочет, в противоречие с требованиями конституции, об'явить нас, без всякого суда, подозрительными и считать нас, без суда, виновными? Неужели же лягур-де-кашэ были уничтожены только для того, чтобы их затем опять восстановить?». В этом же духе высказывались и многие другие полученные королем петиции, как то петиция находившаяся в Париже епископов¹⁾, петиции «верных католиков», различных департаментов и т. д.

¹⁾ Bertand de Molleville „Histoire de la Revolution de France“, т. VI, стр. 135—137.

Но несравненно важнее, нежели это вполне естественное стремление на Людовика XVI со стороны представителей самих клерикальных кругов, была попытка вмешательства, произведенная группно-буржуазной администрацией парижского департамента, в которой господствовали почти целиком фельянне. Причины этой попытки были совершенно понятны. Не говоря уже конечно о том, что репрессивная часть декрета 29 ноября, несмотря на всю ее умеренность, означала по своему существу такое углубление революции, на которое наиболее умеренная часть крупной буржуазии пойти не могла, мы уже знаем, что декрет 7 мая 1791 года был принят по инициативе директории парижского департамента, в силу чего его отмена была равносильна непосредственному удару по этой последней. Поэтому неудивительно, что члены этой директории обратились 5 декабря 1791 года с частным письмом¹⁾ к Людовику XVI (согласно конституции 1791 г. коллективные петиции целых организаций были запрещены, в силу чего члены их могли выступать только как частные лица), умоляя его не санкционировать декрета 29 ноября.

«Конституция дала вам, государь,—говорили парижские администраторы в своем обращении к королю,—громадную власть, предоставив вам право задерживать декреты законодательного корпуса. Было бы, без сомнения, очень хорошо, если бы такое право пребывало долгое время без применения и защищало суду одним только фактом своего существования. Но когда этого требует общественное спасение, это страшное оружие не должно оставаться в ваших руках без употребления и самая конституция предписывает всем гражданам помочь вам советом относительно того, чего ожидает от вас родина в столь тяжелых обстоятельствах.

«С нелегким чувством, но вместе с тем и полной убежденностью считаем мы своим долгом заявить вам, что последний декрет о религиозных беспорядках должен по нашему мнению вызвать с вашей стороны применение права вето...

«...Государь, мы не сомневаемся в том, что Национальное Собрание стремилось и не перестает стремиться к добру... Но мы также полагаем, что стремление к разумной само по себе цели толкнуло его на применение срдств, противных как конституции, так, равным образом, и осторожности, и справедливости...

«...Учредительное Собрание сделало по вопросу о неприсяжных священниках все, что оно было в силах сделать. Оно лишило их должностей всех священников, отказывающихся принести установленную присягу и, отняв у них жалование, обрекло их на сульчное на них за их вину. В этом и заключается наказание, наложенное на них за их вину. Можно ли после этого устанавливать за старую, уже рассмотренную вину, новое дополнительное наказание, поскольку положение вещей неизменено наличием новой индивидуальной вины?

«А между тем Национальное Собрание помимо ограбления

¹⁾ То, что обращение 5 декабря должно рассматриваться лишь как частное письмо, было разъяснено в специальном письме его авторов в редакцию газеты „Монитер“, помещенном в № 348 от 14 декабря.

неприсяжных священников хочет еще об явить их подозрительны-
ми по восстанию против законов, если они только не принесут
присяги, не требуемой ни от каких других частных лиц,
не являющихся общественными чиновниками. Но каким образом
может закон об явить людей подозрительными по восстанию про-
тив законов? Разве можно подозревать таким образом в преступ-
лении?

«Декрет Национального Собрания устанавливает, что не
принесшие присяги или отказавшиеся от таковой священники,
могут быть, в случае возникновения религиозных беспорядков,
временно высланы и, в случае неподчинения соответствующему
предписанию, заключены в тюрьму. Но не значит ли это восста-
навливать систему произвольных приказов, раз допускается нака-
зание высылкой и даже тюремной людей, еще не изобличенных в
нарушении каких бы то ни было законов?»

«...Тщетно будут говорить, что неприсягнувший священник
подозрителен, не были ли в царствование Людовика XIV проте-
станты подозрительны в глазах правительства, когда они не же-
лали подчиниться господствовавшей религии? И не были ли ка-
толики долгое время подозрительными в Англии? Если пользо-
ваться такими предлогами, то нет таких религиозных преследова-
ний, которые бы не могли быть оправданы! И неужели же целый
век философии послужил лишь для того, чтобы возвратить нас,
шедших по пути свободы, к нетерпимости XVI века? Пусть сле-
дят за неприсяжными священниками, пусть беспощадно карают их
по имени закона, если они его нарушают, но пусть до тех пор ува-
жают их культ, как всякий другой и не преследуют их за их рели-
гиозные убеждения. Раз никакая религия не является обязатель-
ной, ни одна религия не может рассматриваться, как преступная».

Обращение парижского департамента к Людовику XVI вы-
звало бурный взрыв негодования всей французской революцион-
ной общественности. Уже на следующий день после появления
этого обращения, а именно 6 декабря, монтанье Дюбуа-Крансэ
выступил в якобинском клубе с резким протестом против обраще-
ния парижских администраторов¹⁾. А в своем заседании 9 дека-
бря якобинский клуб принял зачитанный Робеспьером текст обраще-
ния клуба к его провинциальным отделениям, жестоко крити-
ковавший письмо 5 декабря и выявивший его контр-революцион-
ный смысл.

Обращение якобинцев подчеркивает, что недопустимость
поступка парижской департаментской директории заключается не
только в отдельных пунктах ее критики декрета 29 ноября, сколь-
ко в общем смысле всего документа. «Ваши отдельные возраже-
ния против декрета не заслуживают даже критики. Вы не должны
были позволить себе их делать вовсе не потому, что отдельные
граждане не имеют права критиковать акты законодательного
корпуса, а потому, что ни один хороший гражданин никогда и
тем более при тяжелых обстоятельствах, подобных нынешним, не
использует этого права для того, чтобы подрывать власть этого
корпуса и давать тем самым опасный перевес исполнительной
власти. Какой закон не окажется достойным вето, если для этого
достаточно будет найти какие нибудь частные возражения против

его отдельных предписаний? Какая власть останется у законода-
тельного корпуса, если все административные учреждения обра-
тят себя в граждан-петиционеров и начнут критиковать его де-
креты, призываая вместе с тем двор применить свое право вето?».

Но контр-революционность выступления парижских админи-
страторов заключается, по мнению якобинцев, не только в самой
недопустимости их призыва к королю, как такового, но также и в
том, что целью его является поддержка контр-революционных
неприсяжных священников. «Уже не согласована ли их петиция
с министерством, чтобы дать сигнал другим административным
учреждениям и всем злонамеренным или ошибающимся гражда-
нам потребовать применения этого акта королевской власти и
об единить под своими знаменами священников-бунтовщиков?»¹⁾.

Выступление якобинского клуба было поддержано целым
рядом демократических газет и, в частности, «Парижскими рево-
люциями». Петиция членов дирекции парижского департамен-
та, писала эта газета, в своем № 126 (от 3—10 декабря)—такова,
что, «она способна поддеть Францию со всех четырех сторон,
ибо целью ее является либо создать в департаментах партию,
дружественную королю и враждебную Национальному Собранию,
либо возбудить все департаменты против Парижа... Если бы все-
департаменты Франции последовали примеру Парижа, какая бы
пропасть разверзлась перед нашими ногами! Для чего бы послу-
жило тогда народу его Национальное Собрание? Уже существует-
ет ли оно для того, чтобы обращаться к королю с просьбой о за-
щите против его постановлений? Нет, оно создано для того,
чтобы выявлять волю народа и если бы администрации департа-
ментов стали доверять королю более, нежели законодателям, ко-
роль не замедлил бы превратиться сам в законодателя... Если бы
Национальное Собрание разрешило эти махинации..., следствием
этого явилось бы то, что король смог бы по своему желанию рас-
сматривать в качестве проявления общей воли каждые сорок пять
или пятьдесят адресов, покрытых каждый семью или восемью
подписями, оплаченными за счет гражданского листа.

Статья «Парижских революций» заканчивалась призывом к
48 секциям Парижа протестовать против действий дирекции
департамента и этот призыв был немедленно услышан. В заседа-
нии Законодательного Собрания 11 декабря представители ряда
парижских секций протестовали против обращения 5 декабря и
требовали предания его авторов суду и протесты эти продолжи-
лись и в следующие дни. А выступавший 11 декабря от имени
секции французского Театра Камилл Демулен грозно воскликнул,
обращаясь к депутатам: «Продолжайте, верные уполномоченные,
и если будут упорно не позволять вам спасти нацию, то что же,
нация сама себя спасет, как она уже сделала это, ибо в конце кон-
цов сила королевского вето имеет предел и посредством вето
нельзя воспрепятствовать взятию Бастилии».

Но если раньше (как мы это видели, например, в отношении
декрета 27 ноября 1790 г.) давление общественного мнения ока-
зывало сильное влияние на слабовольного и трусливого Людови-
ка XVI и заставляло его сплошь и рядом идти на уступки, кото-
рые он надеялся взять затем обратно, то на этот раз картина ока-

¹⁾ „La Société des Jacobins“ т. III стр. 275.

¹⁾ Там-же, стр. 283.

заявил иной. И это отнюдь не удивительно. Ибо, если раньше король почти всегда уступал Национальному Собранию, то обясняется это тем, что он чувствовал за собой поддержку одних только бывших привилегированных сословий и не мог конечно не понимать, что поддержка эта слишком незначительна, чтобы он мог отважиться вступить в открытый конфликт со всеми революционными элементами страны. Но теперь за королем стояли не только бывшие привилегированные, но и значительная часть крупной буржуазии, еще 15 июня 1791 года устами Барнаво провозглашавшей, что революция должна быть закончена, ибо ее дальнейшее углубление может угрожать экономическому и политическому господству буржуазии. Именно эта опора на крупную буржуазию и определила позицию Людовика XVI в ноябре—декабре 1791 г. и сделала возможным использование им своего права вето как в отношении декрета 29 ноября, так и в отношении принятого почти одновременно с ним декрета против эмигрантов. По единогласному совету церковников (в лице бывшего епископа архиепископа Буажелена), Барнаво и министров, Людовик XVI через посредство хранителя печатей сообщил 19 декабря Законодательному Собранию, что он пока отказывает в утверждении декрета 29 ноября, с тем, что рассмотрит его впоследствии. Это означало ничто иное, как установленную конституцией 1791 г. формулу вето.

Законодательное Собрание, огромное большинство которого, не исключая и жирондистов, крепко держалось за конституцию 1791 года, установившую право королевского вето, ответило на сообщенное ему известие гробовым молчанием. Зато совершенно иначе отнеслась к ответу короля революционная общественность. Газета «Парижские революции» поместила в своем № 128 (от 17—24 декабря 1791 г.) статью, в которой, признавая формальную законность поступка Людовика XVI, не останавливалась, однако, перед прямыми угрозами по его адресу:

«Конституция предоставляет монарху право отсрочивающего вето и не устанавливает никакого наказания для законодателей, оказывающихся настолько подлыми, чтобы позволить ему превратиться на практике в вето абсолютное. Но конституция ничего не говорит о праве вето общественного мнения, а это значит, что она позволяет обращаться к таковому с целью сделать недействительным, все равно, отсрочивающее, или абсолютное вето короля...

«...Государь, ...мы должны заявить вам, что если конституция на вашей стороне, то зато декларация прав человека и гражданина говорит против вас. Конституция предоставляет вам право вето, но ст. 2 декларации прав дает нам право на сопротивление угнетению. Пусть последует еще одно только вето, подобное двум первым¹ и наличие угнетения с вашей стороны станет совершенно очевидным. Вы провоцируете своим поведением гражданскую и религиозную войну и тем самым подводите себя под действие ст. 2 принятой вами декларации прав. Берегитесь же, мы даем вам время на рассмотрение. Но мы считаем своим долгом предупредить вас, что наши братья из остальных 82 департамен-

тов думают точно также, как и мы и поступят так же, как и мы, когда ваше величество изволит, наконец, рассмотреть».

За критикой газет последовали многочисленные выступления клубов. «Общественное мнение, государь,—писал королю клуб города Бреста,—не есть мнение вашего Совета или вашего двора. Эта ошибка может оказаться для вас роковой... Вы еще царствуете, но если вы подпадете под некоторые влияния, ваше царство скоро окончится²). В подобном же духе, хотя и не в столь резкой форме, высказывались клубы Безье, Кальвадоса и многих других городов и департаментов.

Этому движению протesta против королевского вето не остались чужды, несмотря на свою, бывшую следствием цензового характера конституции 1791 г., умеренность и многие дирекции департаментов, как то Вандеи, Финистера, Нижней Луары и др. А департамент Севера послал даже к королю специальную депутацию, обрисовавшую ему грозившую Франции со стороны неприсяжных священников опасность.

Но как бы ни оценивала французская общественность отказ короля санкционировать декрет 29 ноября, отказ этот, тем не менее, оставался фактом и из факта этого возник целый ряд затруднений для тех департаментов, которые стремились положить предел контр-революционной деятельности неприсяжного духовенства. Каким же образом разрешили эти департаменты поставленную перед ними королевским вето тяжелую задачу?

Что же касается тех департаментов, большинство в дирекциях которых принадлежало фельянам, то они, как и следовало ожидать, подчинились королевскому вето и продолжали осуществлять благоприятные для неприсяжного духовенства предписания декрета 7 мая 1791 года. Так поступали дирекции департаментов Сены и Луары, Ариежа, Ниевры, Верхней Луары, Устьев Рона и другие, а дирекция департамента Кальвадоса по ее собственным словам стремилась «противопоставить язык законности различным прогивозаконным попыткам».

Напротив того, более левые дирекции департаментов, не взирая на королевское вето, продолжали начатую ими еще до издания декрета 29 ноября практику борьбы с контр-революционными выступлениями духовенства. Так, в самый день издания декрета 29 ноября, дирекция департамента Финистера предписала интернировать в Бресте всех неприсяжных священников, виновных в создании беспорядков, или хотя бы просто подозрительных по своему настроению. В начале декабря этому примеру последовал департамент Нижней Луары, а в первые месяцы 1792 г.—департаменты Ланд, Мэн-и-Луары, Тарти и Дубс. К концу апреля 1792 г. насчитывалось 42 департамента, принявших репрессивные меры против неприсяжных священников.

Были и такие департаменты, дирекции которых колебались. В Эне, где сначала были приняты репрессивные меры против неприсяжных священников, меры эти затем были отменены. Наоборот, дирекция департамента Жер, отличавшаяся сначала своей умеренностью, стала затем на путь репрессий. В департаменте Севера закрытие в июне 1791 г. церкви неприсяжных священников было в октябре снова открыто, а в декабре опять за-

¹⁾ Де ла Горс, т. II стр. 58.

²⁾ Т. е. вето относительно декретов об эмигрантах и о неприсяжных священниках.

Совершенно аналогичной была и картина в департаменте Майенн, где принятые летом 1792 года против церковников меры были затем отменены, а в марте 1792 г.—снова восстановлены.

Во многих местностях вопрос о неприсяжных священниках послужил поводом раздора между дирекциями департаментов и дистриктов. Так было например, в департаменте Верхней Луары, а равно в Аппасе, Тулусе, Кольмаре и т. д.; резкое столкновение между департаментом Роны и Луары и коммуной города Лион составило даже предмет разбирательства в Законодательном Собрании¹⁾.

Само собой разумеется, что подобный разнобой в практике местных властей мог только обострить наглость неприсяжных священников, и без того в достаточной мере усиленную королевским вето. Во многих местах присягнувшие священники делались жертвами открытых нападений со стороны фанатизированных их противников авраншского дистрикта департамента Ламаиш были вынуждены официально заявить, что они немедленно подадут в отставку, если только власти не удалят из пределов дистрикта членов местного неприсяжного духовенства. Подобные же события происходили и во многих других местах. А в своем обращении к Законодательному Собранию от 28 января 1792 года дирекция авраншского дистрикта следующим образом характеризовала деятельность неприсяжных священников:

«Сборища врагов общественного блага в пределах нашего дистрикта умножаются; набор в ряды контр-революционной армии усиливается; исчезновение звонкой монеты прогрессирует. Эти усилия наших врагов нас не пугают... но нужно признать, что усилившееся в последнее время махинации фанатиков ведут их от успеха к неуспеху.»

«Священники диссиденты, под обманчивым покровом религии, приглашают к неповиновению законам и непослушанию властям, препятствуют сбору налогов, призывают к беспорядкам и убийствам и таким образом законы оказываются парализованными вследствие их злостной энергии и страшных заблуждений их последователей. «Мы приложили, законодатели, неимоверные усилия, чтобы разорвать эту окутывающую сельских жителей ужасную ткань, но жадность, гордость и фанатизм все же толкают этих несчастных на путь социального беспорядка. Они открыто жалеют о рабских порядках, под тяжестью которых они еще так недавно изнемогали. Повсюду эти слабые или невежественные люди, чувства и сердца которых удалось так легко подчинить, вооружились для защиты мнимых защитников евангелия, с поразительной наглостью проповедующих принципы разложения и подкупа»²⁾.

При таком настроении неприсяжных священников зимой и весной 1792 года, неудивительно, что они постарались всемерно использовать для своей агитации пасхальные праздники этого года. В тоннерском дистрикте департамента Ионны некий священник Бланшар усердно распространял среди своих прихожан книгу, озаглавленную «Простые беседы о десятине, изложенные в

форме катехизиса, доступного пониманию верующих»¹⁾. В приходе Мерль монбрizonского дистрикта департамента Рон-и-Луары, и присяжный священник Ферран собрал под предлогом проповеди от четырех до пяти тысяч вооруженных людей и местные власти не оказали ему никакого препятствия. Такое же вооруженное собрание имело место на пасхальных праздниках в городе Тюлле и лишь энергия местной национальной гвардии помешала возникновению там серьезных беспорядков.

Еще более важные события произошли в городе Эвроне департамента Майенны 2 апреля 1792 года. Собравшаяся в окрестностях этого города вооруженная толпа в 900 человек¹⁾ приняла революцию, в которой говорилось:

«Мы не можем далее скрывать от себя, что нас хотят лишить нашей веры и отделить нас от католической, апостолической и римской религии. Доказательства этого многочисленны: это одобренная и покрытая Национальным Собранием аплодисментами антикатолическая речь Франсуа де Невшато; это ежедневные выпады прессы; это клевета и преследования, которым подвергаются неприсяжные священники, верные, также как и мы, римской религии...»

«Мы заявляем, что никогда не признаем ни конституционной религии, ни присяжных и непрошенных епископов и священников. Так как закон разрешает нашу веру и наш культ, мы просим предоставления нам права его свободного исполнения. Мы просим и даже требуем... предоставления нам свободы совести и прекращения преследований, начатых против католических священников и граждан. Мы просим справедливости в отношении наших священников, уплаты им всего, что им причитается и предоставлено им как им, так и нам свободы передвигаться, не подвергаясь при этом насмешкам, оскорблением и угрозам...»

«...Кроме того, мы просим, чтобы присяжные и непрошенные священники не оплачивались более нацией, две трети которой по меньшей мере возмущены их плохим поведением и отступничеством от церкви.

«Мир, сохранение римско-католической религии, повинование нашему законному королю и законам государства, упразднение якобинских клубов и их красных колпаков, являющихся сигналом к восстанию и грабежу—таковы намерения наших сердец, и наш символ веры, ради поддержания которого мы готовы умереть... Мы не опасаемся выразить наши взгляды, высказываемые более 20 приходами и разделенными 50 другими и требуем их сообщения Национальному Собранию»³⁾.

С этой резолюцией, вооруженная толпа крестьян направилась к городу Эврону и подвергла его чуть что не осаде, конец которой был положен лишь открытым местной национальной гвардией огнем. На поле сражения остался один убитый и несколько раненых. Произведенное следствие показало, что все дело явилось результатом агитации нескольких контрреволюционеров, главнейшую роль среди которых играли неприсяжный свя-

¹⁾ Доклад Родана 16 апреля 1792 г. А. Р., т. XLI, стр. 713—714.

²⁾ Протокол муниципалитета города Эврона от 5 апреля 1792 г. А. Р., т. XLI, стр. 428.

³⁾ Там-же, стр. 429—431.

щенник Рино и его прихвостень Леметейе. Оба были приговорены к смертной казни, но им удалось скрыться и приговор остался на бумаге.

V.

Каким образом Законодательное Собрание отнеслось к новой волне поповской контр-революции, прокатившейся по значительной части Франции в последние дни марта и первые дни апреля 1792 года?

С двадцатых чисел марта 1792 г. во Франции образовалось жирондистское министерство («министерство г-жи Ролан») и известно, что этот приход жирондистов к власти имел своим результатом их довольно заметное поправление. В области церковного вопроса это поправление с полной очевидностью сказалось в циркуляре, разосланном 5 апреля жирондистским министром внутренних дел и исп. об. министра юстиции Роланом всем работникам уголовных судов королевства. В виду крайней характерности этого документа, приведем его целиком:

«Сборы церковников, господа, волнуют все королевство; религиозные мнения служат предлогом всевозможных беспорядков; но их подлинной причиной являются любовь к богатству и власти и ненависть к конституции, построенной на принципе равенства.

«Злонамеренные или лицемерные священники, покрывая свои намерения и притязания священным покровом религии, не боятся возбуждать фанатизм и вооружать заблуждающихся граждан мечом нетерпимости. Слишком доверчивые сельские жители поддаются влиянию злостных уговоров; принявшие гражданское устройство духовенства священники преследуются, подвергаются плохому обращению и изгоняются.

«Подобные эксцессы не могут быть более допустимы и глубоко огорченный ими король поручает мне в горячно довести до сведения носителей государственной власти и через их посредство, до сведения всех французов, что его подлинным намерением является примерным образом наказать преступных виновников религиозных беспорядков.

«Те, кто толкуют наложенное королем на декрет 29 ноября вето, как молчаливое одобрение фанатизма и лицемерия, возводят без всякого сомнения, на его величество клевету. Нет, господа, король вовсе не стремится к анархии; приостанавливая исполнение декрета, отношение общественного мнения к коему не было в то время однородным, король лишь доказал Европе, что он абсолютно свободен.

«Его твердым и решительным намерением является, чтобы все нарушители общественного порядка, все подстрекающие, одобряющие или облегчающие преступления, совершаемые от имени неба, подверглись строгому наказанию, чтобы рука правосудия опустилась на них со всей своей тяжестью и чтобы для подавления этих гнусных заговоров были приняты все меры, предусмотренные законом и конституцией.

«Вам, господа, агентам судебной власти, надлежит особенно стараться положить предел религиозным беспорядкам, усилившимся за последнее время благодаря мягкости некоторых судов Власти, которой вы облечены, не должна оставаться бессильной против преступлений. Помните, что мягкость в отношении злых, равносильна жестокости в отношении добрых. Вы являетесь избранниками народа; неужели же вы заслужили его доверие только для того, чтобы усиливать его страдания?

«Но, вместе с тем, господа, не забывайте, что декларация прав устанавливает свободу религиозных убеждений и что в свободном государстве простое выражение своих взглядов должно находиться под защитой от каких бы то ни было посягательств. Не трогайте спокойных и безопасных заблуждений; пусть совесть пользуется полнейшей свободой. Лишь превратившиеся в действия злонамеренные чувства должны подпадать под кару закона, но с тем, чтобы при этом соблюдалось полное равенство всех преступников, вне зависимости от их личности или культа. Если случится, что принявшие гражданское устройство духовенства священники будут развивать систему нетерпимости, если они станут виновниками или подстрекателями преступлений, закон, равный для всех, должен покарать их.

«Таковы, господа, лежащие на вас обязанности, на важность которых король поручил мне обратить ваше самое серьезное внимание. Его величество, твердо стремящийся к исполнению существующих законов, намеревается подвергать преследованию, в качестве соучастников всех судей, которые по своей преступной мягкости или нерадивости, предоставляют злонамеренным священникам, проповедникам или их последователям, возможность продолжать подвергать опасности благосостояние Франции¹⁾.

Таким образом, Ролан, предписывая судам строгое преследование неприсяжных священников, индивидуально нарушающих существующие законы, вместе с тем не допускает мысли о возможности каких бы то ни было общих репрессивных мероприятий, направленных к предупреждению их контрреволюционной деятельности. Более того, оговариваясь, что преследованию за нарушение законов должны в равной мере подвергаться, как присяжные, так и неприсяжные священники, Ролан тем самым совершенно смазывает вопрос об этих последних и фактически становится на точку зрения, выдвигавшуюся во время октябрьских и ноябрьских прений 1791 г. всем правым сектором Законодательного Собрания. Это позволяет утверждать, что в момент своего прихода к власти, жирондисты совершенно отказались от позиций, занятой ими после ряда колебаний в ноябре 1791 г. и подобно своим тогдашним оппонентам считали, что статьи уголовного кодекса вполне достаточны для борьбы с «религиозной» контрреволюцией.

Циркуляр Ролана был датирован 5 апреля 1792 г. Уже в следующие дни в Париж стали прибывать многочисленные известия о пасхальных событиях в департаментах и, вполне понят-

¹⁾ «Парижские революции», № 144 от 14 апреля 1792 г.

но, что известия эти не могли не оказать отрезвляющего влияния на жирондистский оптимизм. По крайней мере, именно так должно быть, повидимому, истолковано то место из доклада Ролана Законодательному Собранию от 16 апреля, в котором он, рассказав о действиях церковников и принятых в связи с эгим многими муниципалитетами репрессивных постановлениях, меланхолически заявляет, что «меры эти, хотя и антиконституционные, восстановили спокойствие»¹). И дальше, как бы делясь со слушателями своими сомнениями, Ролан замечает:

«Религиозные мнения, или, говоря точнее, фанатизм и ко-
рыстолюбие являлись и до сих пор являются подлинной причиной серьезных беспорядков. Образование, без всякого сомнения, является хорошим лекарством против этого зла и поэтому все, что может его расширить, заслуживает самого пристального внимания со стороны Собрания. Но медленность действия этого средства и повелительная необходимость переживаемых обстоятельств, требуют, повидимому, более активных средств».
(Курсив наш. Я. М.).

«Требуют, повидимому, более активных средств». Но каких? Ответа на это Ролан в своей речи 16 апреля не дает. Он лишь несколько поколеблен в своем оптимизме предыдущих дней и как будто бы начинает сомневаться в действенности одних только судебных приговоров, основанных на соответствующих статьях уголовного кодекса. Но дальше этих сомнений он пока не идет и лишь события последующей недели заставляют его сделать еще один, хотя и далеко недостаточный, шаг.

20 апреля Законодательное Собрание приняло, как известно, предложение короля об объявлении войны Австрии и, самой разумеется, что эта внешняя война делала особенно настоятельной необходимость прекращения той внутренней гражданской войны, которая в это время фактически уже велась во Франции благодаря контрреволюционной деятельности церковников. А между тем, полученные в эти дни в Париже и доложенные Роланом 23 апреля Законодательному Собранию известия, не оставляли сомнения в том, что контрреволюционная деятельность неприсяжного духовенства не только не идет на убыль, но, напротив того, заметно усиливается. 15 апреля директория департамента Финистер сообщает, что приход Плузане в брестском дистрикте—«находится в состоянии открытого восстания, возбужденного религиозным фанатизмом и зажигательными речами неприсяжных священников, поддержанных введенным в заблуждение муниципалитетом»²). 18 апреля департамент Коррез уведомляет об «апогее возбуждения», в котором находится город Тюльль. 21 апреля «письмо из департамента Соммы заставляет опасаться, что возникшие в нескольких кантонах волнения на религиозной почве могут привести к опасным эксцессам».

При таком положении вещей, неудивительно, что доклад Ролана Законодательному Собранию от 23 апреля 1792 года означает дальнейший шаг вперед, по сравнению с его докладом от 16 числа того же месяца. «Господа,—начинает он свою речь,—

переживаемые Францией внутренние волнения вытекают как из общих, так и из частных причин, изучение которых должно в настоящее время привлечь к себе все наше внимание. Последние вызвать разложение, которым не замедят воспользоваться наши внешние враги, ибо для этих последних очевидно, что все их усилия окажутся тщетными, если мы будем едиными в своем сопротивлении их ударам»¹).

Ролан признает, что при таких условиях «спасение государства требует мер, которые может установить одна только мудрость законодателей». Более того, оно даже как будто бы готово пожалеть о своем недавнем отношении к репрессивным мерам против неприсяжных священников, принятым директориями некоторых департаментов:

«При только что описанных много тяжелых обстоятельствах, от 30 до 40 департаментов сочли себя вынужденными принять постановления, которые конституция не разрешает, но и не запрещает... Эти меры не являются продуктом самостоятельного творчества небольшого числа департаментов, администраторов которых можно было бы заподозрить в преувеличении или приспособлении; они были, почти повсюду, приняты в самые различные моменты и являются следствием уроков прошлого, опасностей настоящего и опасений за будущее. Во многих местах они были потребованы петициями справедливо обеспокоенных массовых жителей; всюду без исключения они оправдывались тяжестью обстоятельств и эксцессами брожения, возможные следствия которого было необходимо предупредить...»

«Поставленный по своему положению между обязанностью подчиняться тексту законов и не менее священным долгом не предпринимать ничего, могущего подвергнуть Францию новым несчастьям, я должен был начать с того, чтобы указать департаментам на недостатки их постановлений и на то, что я окажусь в необходимости их отменить, в силу чего было лучше, если бы они сделали это сами»
(Курсив наш—Я. М.)².

Не решаясь прямо сказать, что он сожалеет о такой своей прежней политике, Ролан, вместе с тем, и не пытается ее защищать и лишь указывает, что окончательное решение по данному вопросу должно принадлежать самому Законодательному Собранию:

«Мне нечего, господа, прибавить (к тем мотивам, которые выдвинуты департаментами для защиты принятых ими постановлений—Я. М.), кроме того, что пункты одних из этих постановлений могут быть рассматриваемы, как меры полицейского характера, в то время, как другие—продиктованы, повидимому, крайней необходимостью. Я передаю их все на рассмотрение Собрания, как единственно компетентного судьи, могущего установить, что из идущего далее закона могло быть вызвано обстоятельствами и что из этого должно быть оправдано интересами общей безопасности».

¹⁾ А. Р., т. XLI стр. 71.

²⁾ Там-же, т. XLII, стр. 309.

¹⁾ Там-же, стр. 30.

²⁾ Там-же, стр. 408.

Законодательному Собранию, думает Ролан, надлежит также установить какую то общую линию поведения в вопросе о неприсяжных священниках. «В момент, когда наш патриотизм развивается с новой силой, взыскивает к победе и стремится обеспечить ее за нашими знаменами, вы должны признать мудрым декретировать действенную меру, способную уничтожить в своем зародыше раздирающие нас внутренние распри и положить предел порождаемым фанатизмом раздорам».

Выступивший вслед за окончанием доклада Ролана монтанье Мерлен предложил «посадить всех священников-бунтовщиков на корабль и отправить их в Америку», а взявший после него слово жирондист Вернио рекомендовал передать вопрос на рассмотрение созданного для изучения причин беспорядков, так называемого, «комитета двенадцати», предложив ему представить Законодательному Собранию проект нового декрета о неприсяжных священниках.

«Необходимо,—говорил Вернио,—вторично рассмотреть вопрос о том, может ли нация, напрягая все свои силы для борьбы с внешними врагами, содержать, вместе с тем, за свой счет тех, кто отказом от присяги объявляют себя ее внутренними врагами.

«Я со своей стороны предлагаю не посадить священников на корабль, а чтобы комитет двенадцати остановился в своем докладе на принципе высылки, дабы мы узнали, при каких обстоятельствах нации может быть дозволено выбросить из своего чрева тех, кто останется в нем лишь для того, чтобы его раздирать.

«Фанатизм прогрессирует лишь потому, что против него не существует репрессивного закона. Вы издали декрет о неприсяжных священниках, но декрет этот не получил королевской санкции и в силу этого не мог быть приведен в исполнение. Единственный принятый нами по этому вопросу закон не санкционирован, а огромное количество подлежащих нашему рассмотрению дел не позволило нам выработать нового, на что мы, несомненно, имели право. Следствием этого явилось не только то, что беспорядки продолжались, но и что директории департаментов оказались в печальной необходимости либо видеть, как их бездействие приведет к нарушению общественного спокойствия, либо самим нарушать закон, принимая меры, которые будут дезавуированы нацией. Вы сами чисто инстинктивным движением аплодировали этим мерам, ибо вы признали, что от них зависит общественное спасение. Нужно положить предел этим анархическим конвульсиям. Пора узнать, кто наши враги и именем закона объявить им открытую войну».

Предложение Вернио было принято и Законодательное Собрание поручило своему комитету двенадцати представить на его рассмотрение проект нового закона о неприсяжных священниках. Проект был представлен 5 мая, причем ему предшествовал доклад, прочитанный от имени комитета депутатом Франсэ из Нанта.

«Конституция,—начал Франсэ,—предоставила нам два права: право сохранять то, что она создала и право препятствовать тому, чтобы то, что она разрушила, не возродилось и не дезорганизовала бы то, что она создала.

«Таким образом, первый из подлежащих нашему рассмотре-

нию вопросов таков: правда ли, что старое духовенство пытается возродиться в форме корпорации и дезорганизовать новые установления?

«Вопрос второй: достаточны ли обычные средства репрессии для того, чтобы воспрепятствовать следствиям этих усилий и этого сопротивления?

«Вопрос третий: какие меры мы должны предпринять для того, чтобы рассеять самые элементы этой корпорации, которую революция скорее усыпила, нежели уничтожила?..

«... По поводу первого вопроса, достаточно прочесть папские буллы и заявления, послания, протесты и писания старого духовенства; достаточно прослушать его проповеди и рассмотреть поведение как его самого, так и его последователей, чтобы убедиться, что его разбросанные по всему королевству члены составляют единое целое, действующее с единой целью и по единому плану; убедиться, что эта старая корпорация все еще существует, и что в то время, как одна нога ее опирается на Ватикан, другая, тщательно укрывающаяся от всех взоров, опирается, повидимому, на ступени великого трона.

«Что касается второго вопроса, то всем известно, что значительное число диссидентов вот уже 30 месяцев как пишут, проповедуют и исповедуют в пользу контрреволюции и фанатизируют и вооружают деревни, при чем ни один из них не был до сих пор наказан.

«Конституция может погибнуть одним из следующих трех способов: посредством расстройства финансов, анархии или союза ее внутренних и внешних врагов. Что касается финансов, то поступление их в деревнях происходит с крайней медленностью. Да как и может быть иначе, когда существуют от 15 до 20 тысяч священников, проповедующих простакам, что составлять налоговые списки значит оскорблять бога, а платить налоги—обрекать себя на вечное проклятие. Все наши враги (а они весьма разнородны) стремятся к анархии и если к взаимодействию такого количества факторов вы дадите еще возможность присоединиться силе, опасной, как сама по себе, так и теми силами, которые ей подчинены, вы создадите риск полной дезорганизации. Можно предположить, что 15 или 20 тысяч диссидентов имеют в числе своих сторонников одну двадцать пятую часть населения, т.е. один миллион существ, включая женщин, детей и слабоумных,— как по рождению, так и по искусству попов. Не составляет ли это вечно действующий источник анархии и ядро контрреволюции, которое, внедряясь в государство, поддерживает надежды наших внутренних и внешних врагов, вызывает беспрерывное брожение и которое в конце-концов через крайнюю усталость приведет нас к сну или маразму? Таким образом, речь идет не более и не менее, как о том, чтобы либо разрушить это ядро, либо подготовить разрушение конституции. Поэтому я позволю себе утверждать, что если действия директорий в отношении диссидентов и являются противозаконными, они, тем не менее продиктованы добрыми намерениями. Ничто не доказывает столь ясно недостаточности обычных средств, как та необходимость, в которой директории оказались принять меры, столь же необходимые в моменты беспорядков, как при пожарах, для спасения целого города, часто приходится нарушать индивидуальную свобо-

ду отдельных людей. И если национальная гвардия будет вынуждена отправиться на фронт, что станет тогда со страной, оставленной патриотами и отданной во власть фанатиков? И кто из вас не задрожит, думая о том, что вблизи наших армий и вдоль всех наших границ находятся люди, могущие открыть дорогу врагам и увеличить их число, присоединив к ним всех простаком, чьим доверием они пользуются?

«При столь тяжелых бедствиях и великих опасностях, необходимы и великие средства. Во времена сильных брожений полумеры могут только раззадорить и заставить обнаглеть недовольных... Будучи сторонником гуманности и врагом крайних средств, я боролся против всех исключительных мер до тех пор, пока я не убедился, что недостаточная строгость в столь критический момент была бы равносильна уступке, направленной в пользу преступного меньшинства и против преданного большинства. При таких условиях речь может идти лишь о нахождении необходимой меры» ¹⁾.

После этих общих соображений, Франсэ предложил от имени комитета двенадцати проект декрета, направленного против всяких беспорядков вообще и беспорядков на религиозной почве в частности. Относительно неприсяжных священников проект Франсэ содержал следующие предложения:

«Ст. 26. По ходатайству двенадцати активных граждан и заключению директории дистrikта, директория департамента будет вызывать в главный город департамента всех неприсяжных церковников, удаление коих будет у нее испрошено или которое она сама признает необходимым.

«Ст. 27. Все вызванные или доставленные в главный город департамента церковники будут проживать там в указанных им дирекtorией домах и будут жить там совместно. Они будут жить за свой счет, если обладают достаточными для того имуществами или пенсиями; в противном случае они будут содержаться за счет казны.

«Ст. 28. Собранные таким образом священники не смогут ни выходить из своих домов, ни принимать посетителей без специального разрешения директории департамента

«Ст. 29. Те из священников, которые не подчинятся настоящему декрету или путем переписки или иным каким либо способом, затеют какие нибудь махинации, будут переданы генерал-прокурором синдиком департамента в распоряжение общественного обвинителя при уголовном суде и будут наказаны, согласно предписаний уголовного кодекса» ²⁾.

Проект Франсэ представлял собой типичный компромисс и, как таковой он оказался одинаково неприемлемым для обеих сторон. В развернувшихся по этому проекту прениях, продлившимся, с перерывами, до 27 мая, было выставлено огромное количество предложений, кардинально различающихся от проекта комитета двенадцати, и принятый в конце концов декрет не только ничем не напоминал проекта Франсэ, но не имел с ним ничего общего.

Каковы же были точки зрения, высказанные представителями

различных партий Законодательного Собрания во время майских прений 1792 года по вопросу о декрете против неприсяжного духовенства?

Что касается до правых, то их позиция в это время решительно ничем не отличалась от того, что они говорили осенью 1792 года. Так, например, правый депутат Юа заявил, что для борьбы с неприсяжными священниками нет никакой надобности прибегать к исключительным законам и что даже в моменты кризисов «спасения следует искать в одной только конституции». А другой правый, Седилье, протестовал против обязательности присяги священников на том основании, что требование такой присяги было бы безнравственным. «Ни нация—говорил он—ни какая бы то ни было другая власть на земле не имеет права говорить: поклянитесь, или умирайте с голоду; поклянитесь, или вы потеряете свободу».

Что касается до представителей крайнего левого крыла Легислативы—монтаньяров, то их позиция была в наиболее четком виде сформулирована Кутоном, который в своей речи 25 мая заявил:

«В королевстве существует буйная секта, известная под названием неприсяжных священников. Эта буйная секта отказывается принести присягу и признать законы государства, которое терпит ее в своих пределах. В силу этого отказа в подчинении законам, они оказываются виновными в преступлении антиобщественности, а из этого преступления должно неизбежно вытекать наказание изгнанием. Таким образом, я рассматриваю всех неприсяжных церковников, как антиобщественные существа и я полагаю, что в качестве меры общей безопасности, административные учреждения должны приговаривать их к наказанию изгнанием».

Еще более ярко сформулировал свою точку зрения другой монтаньян—Лекуантр. «Я хочу,—говорил он,—чтобы Собрание декретировало, что священники, отказывающиеся дать установленную законом присягу, будут обявлены вне закона. Это значит, что закон ни в каком случае не может оказывать им какой бы то ни было защиты».

Но наряду с предложениями Кутона и Лекуантра, с крайних левых скамей Законодательного Собрания было сделано в это время и другое предложение, представляющее чрезвычайно значительный интерес. Мы видели в свое время, что во время осенних прений 1791 года, часть правого сектора Легислативы, не решаясь на открытую защиту неприсяжного духовенства, внесла предложение об отделении церкви от государства,—предложение, скрытой целью которого являлась борьба со всякими репрессивными мероприятиями в отношении непокорных революции священников. Но теперь картина решительно изменилась и во время майских прений 1792 года аналогичное предложение было сделано уже не справа, а слева. Предпосылкой этого предложения был печальный опыт зимы и весны 1792 года, а защитником его выступил парижский присяжный священник, Демуа, поднявшийся на трибуну в заседании Законодательного Собрания 16-го мая.

«Господа,—заявил Демуа,—из всех корпораций, наиболее опасной является корпорация духовенства. Нация это поняла и именно поэтому она разрушила этот колосс, с такой тяжестью да-

¹⁾ Там-же, т. XLII. стр. 23.

²⁾ Там-же, стр. 26.

вивший на государство. Но на развалинах этого древнего идола выросла новая статуя, стремящаяся в настоящее время обосновать свое существование на конституции»...

Демуа утверждал, что закон о гражданском устройстве духовенства решительно противоречит конституции. «В самом деле,—говорил он,—конституция провозглашает свободу религиозных мнений каждого индивидуума, а так называемое гражданское устройство духовенства устанавливает в государстве господствующую религию». Выход из этого противоречия Демуа видел только в отделении церкви от государства.

«Вам, господа, предлагаю изгнать неприсяжных священников. Это совершенно правильно, поскольку священники эти вызывают в обществе беспорядок. Но я утверждаю, что вы недостигните мира и спокойствия, если, наряду с присяжными священниками, не изгоните также из кодекса наших законов вкравшуюся туда главу клерикализма и теократии... Подобно всем другим культурам, римский культ должен пребывать в своих храмах; зачем же предоставлять ему какие то привилегии, когда все привилегии уничтожены конституцией?».

В соответствии с этими принципами Демуа предложил проект декрета, важнейшие пункты¹⁾, которого гласят:

«Национальное Собрание, принимая во внимание, что наилучшим способом прекращения религиозных беспорядков является поддержание гарантированной конституцией свободы и равенства различных культов, постановляет:

«Ст. 1. Выборщики, созываемые департаментами или дистриктами для замещения должностей общественных чиновников, не будут отныне избирать служителей католического культа.

«Ст. 2. Начиная с момента опубликования настоящего декрета, граждане, преданные католическому культу, будут, в случае освобождения вакансий служителей этого культа, сами избирать таковых.

«Ст. 3. Содержание граждан, избираемых или назначаемых отныне в качестве служителей католического культа, не будет производиться за счет государственных средств.

«Ст. 4. Ни один гражданин и в том числе служитель какого бы то ни было культа не сможет носить титул конституционного священника или епископа, ибо должности эти не установлены конституцией...

«Ст. 7. Всякий священник или служитель какого бы то ни было культа, уличенный в исповедании или проповедовании взглядов, противных конституции, будет навсегда изгнан из пределов королевства.

«Ст. 8. Священник или служитель какого бы то ни было культа, не будучи общественным чиновником и не будучи даже обязан быть французским гражданином, не будет отныне обязан приносить присягу в качестве священника или служителя культа»²⁾.

Несмотря на то, что часть правого сектора Законодательного Собрания попыталась использовать предложение Демуа в своих интересах (так, например, правый депутат Рамон заявил, что

он поддерживает это предложение, аналогичное тому, которое он сделал еще во время осенних прений 1791 года), речь Демуа была встречена благожелательно и некоторыми левыми кругами. Не говоря уже о превышавших эту речь неоднократных аплодисментах на левых скамьях, «Парижские революции» в своем № 149 (от 12—19 мая) горячо одобряли «мудрую» точку зрения «славного кюре церкви св. Лаврентия». Но эти голоса были все же исключением, ибо опыт борьбы с духовенством был тогда еще слишком мал и взгляд Демуа слишком сильно противоречил всем традиционным воззрениям французской буржуазии—как крупной, так и мелкой. Поэтому, неудивительно, что предложение парижского священника не нашло достаточно широкого отклика, и громадное большинство французской революционной общественности пошло за Кутоном и Лекуантром.

Переходя теперь к точке зрения умеренно-левой части Законодательного Собрания, т.е. жирондистов, необходимо вспомнить то, что было сказано выше о том, как под влиянием тревожных сообщений из департаментов, занятая было жирондистами в конце марта и начале апреля более чем умеренная позиция по вопросу о неприсяжных священникам все более и более уступала место сознанию необходимости решительных мер. Если же еще принять во внимание, что майские прения в Легислативе велись в атмосфере непрерывного давления со стороны всей французской революционной общественности, речь о чем будет ниже, то окажется неудивительным, что высказывания жирондистов во время этих прений не так уже сильно разнятся от высказываний монтаньяров. Доказательством этого может служить речь Вернио, произнесенная в заседании Законодательного Собрания 16 мая.

«На ваше рассмотрение,—начал Вернио свою речь,—представлено значительное количество предложений, касающихся раздирающих королевство религиозных беспорядков. Большинство этих предложений лишь усложняют дискуссию и для того, чтобы ее упростить, необходимо установить сначала общие принципы, после чего будет уже легко составить проект закона. Эти общие принципы сводятся к следующим двум:

«Во-первых, следует ли требовать от всех священников принесения гражданской присяги?

«Во-вторых, следует ли для борьбы с религиозными беспорядками применять наказание изгнанием?»¹⁾.

Касаясь первого из этих двух вопросов, Вернио установил, что присяга может быть потребована от священников во-первых, потому, что будучи таковыми, они не перестают в то же время быть гражданами и во вторых, потому, что их профессия представляет им особо благоприятные возможности влиять на настроение населения. Из этого само собой следует, что отказ в принесении присяги должен повлечь за собой определенные карательные последствия. «Если нация имеет право потребовать гражданской присяги от всех своих членов и от всех служителей культа, то я вывожу из этого то следствие, что нация имеет право связать нарушение этого закона с определенной карательной санк-

¹⁾ Мы выпускаем лишь статьи чисто технического характера.

²⁾ А. Т., т. XLIII, стр. 439.

¹⁾ Там-же, т. XLIII, стр. 435.